

КНИГА ВТОРАЯ.

ПРЕДЛОЖЕННЫЯ РЕФОРМЫ И РЕФОРМАТОРЫ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Реформаторы. Измѣненіе въ подготовкѣ учителей. Уменьшеніе числа рабочихъ часовъ. Англійское воспитаніе.

1. Реформаторы. Доклады парламентской комиссіи много распространяются о ничтожествѣ обученія въ нашихъ правительственныхъ школахъ, но очень кратко и неопредѣленно относительно средствъ для замѣны его другимъ. Большинство предложенныхъ реформъ имѣетъ малое значеніе. Общія причины безполезности ихъ. Разборъ главнѣйшихъ изъ предложенныхъ реформъ.

2. Измѣненіе въ подготовкѣ учителей. Необходимость для всѣхъ учителей пребыть сперва въ должности репетитора. Эта нѣсколько разъ предлагавшаяся комиссіи реформа была бы самою существенною изъ предложенныхъ, но она не осуществима, благодаря предразсудкамъ латинскихъ народовъ. Почему репетиторы могли бы лучше обучать, чѣмъ учителя.

3. Уменьшеніе числа рабочихъ часовъ. Прозрачность такого проекта. Учениковъ заставляютъ сидѣть въ классахъ 12 часовъ въ день просто потому, что родители и учителя не знаютъ, что съ ними дѣлать. Нелѣпость долгаго сидѣнія на урокахъ. Продолжительность уроковъ въ Германіи.

4. Англійское воспитаніе. Оно совсѣмъ не примѣнено къ нуждамъ латинскихъ народовъ и никогда не было бы принято родителями. Препятствуютъ тому многія причины нравственнаго порядка.

1. Реформаторы.

Большинство лицъ, дѣлавшихъ заявленія въ парламентской комиссіи, краснорѣчиво показало недостаточность и опасныя стороны нашей системы обученія въ правительственныхъ школахъ; но когда вопросъ коснулся того, какою системой ее замѣнить, это краснорѣчіе быстро изсякло, и большинство реформаторовъ оказалось въ странномъ и неопредѣленномъ положеніи со своими проектами. Реформаторы чаще всего ограничивались измѣненіями программъ, что уже много разъ продѣлывалось и совершенно безуспѣшно; они только и дѣ-

лали, что давали неопредѣленные совѣты, предлагали пустые проекты, не указывая средствъ къ осуществленію ихъ. Это очень хорошо, напр., сказать, какъ сказалъ г. Греаръ, ректоръ Парижской Академіи, что нужно «разнообразить формы средняго образованія и придать имъ большую гибкость». Но насколько было бы полезнѣе, если бы этотъ краснорѣчивый академикъ вмѣсто пустѣйшихъ фразъ далъ бы сколько-нибудь практичные совѣты.

Нужно замѣтить, что наиболѣе несостоятельными реформаторами оказались именно самые ярые критики. Въ самомъ дѣлѣ, было бы трудно послѣдовать совѣтамъ, какіе, напр., даетъ Ю. Леметръ (Jules Lemaitre), когда онъ предлагаетъ «предоставить нѣкоторую свободу въ обученіи учителю, который будетъ преподавать изъ своей специальности то, что онъ знаетъ самъ и что ему больше нравится».

Такія неясныя предложенія дали прекрасный случай критикамъ изъ критиковъ вдохновиться въ своемъ краснорѣчій. Случая этого они не упустили. Г. Дарлю (Darlu) выразился передъ комиссіей слѣдующимъ образомъ:

Несмотря на свою мудрость и философію, г. Фуѣ (Fouillée) не устоялъ отъ соблазна, которому поддается и мы, и подъ вліяніемъ котораго каждый изъ насъ придумываетъ свою систему. Какъ сказалъ Лейбницъ, что вокругъ всякой реальной вещи есть безчисленное множество возможностей, которымъ наше воображеніе придаетъ всю очаровательность, тогда какъ недостатки дѣйствительности прямо бросаются въ наши глаза.

Я признаюсь, нѣсколько поражаетъ, видя столько умовъ, работающихъ надъ созданіемъ новыхъ системъ воспитанія. Нѣсколько времени тому назадъ это былъ Ю. Леметръ, который взялся за направленіе дѣла народнаго просвѣщенія во Франціи. Правда, что онъ это дѣло оставилъ, чтобы заняться направленіемъ иностранныхъ, а потомъ и внутреннихъ дѣлъ. И что же? Ю. Леметръ началъ съ того, что просто предложилъ упразднить начисто классическое обученіе, оставивъ его только въ 4-хъ или 5-ти лицахъ, которые онъ сохранилъ, какъ образчики исчезнувшей флоры. Затѣмъ онъ услышалъ о системѣ цикловъ, ухватился за эту идею и нѣсколько дней спустя горячо поддерживалъ ее, какъ основное положеніе (Darlu, maître de conférence).

Большинство учителей смотрятъ, впрочемъ, на всѣ эти, по мнѣнію ихъ, пустые проекты реформъ съ полнымъ равнодушіемъ. Г. Сабатье безъ колебаній высказалъ это въ комиссіи:

Удоставляють, что всѣ попытки реформъ въ среднемъ образованіи, сдѣланныя въ одномъ и томъ же направленіи, провалились жалкимъ образомъ и только ухудшили дѣло обученія. Настолько ухудшили, что многіе профессора мнѣ говорили: ради Бога, пусть не дѣлають больше

реформъ, пусть не мѣняютъ больше программъ, пусть не провозглашаютъ больше новыхъ эръ. (Sabatier, doyen de la Faculté de théologie protestante).

Всѣ эти проекты—я уже говорилъ объ этомъ—являются послѣдствіемъ неискоренимаго заблужденія латинскихъ народовъ, будто бы народъ можетъ измѣнить по своему желанію свои учрежденія. Въ дѣйствительности, онъ такъ же не можетъ выбирать свои учрежденія, какъ свою литературу, свой языкъ, свои вѣрованія, свои искусства или какіе-либо другіе элементы цивилизаціи. Мы много разъ указывали въ нашихъ трудахъ, что эти элементы суть плоды народнаго духа, присущаго извѣстной расѣ, и чтобы измѣнить ихъ, нужно было бы сперва измѣнить этотъ духъ.

Воспитаніе не могло бы избѣжать этого общаго закона. Хорошо оно или плохо, оно роковымъ образомъ создается въ силу неизбежностей, очень мало поддающихся нашему вліянію. Массовыя реформы, претендующія передѣлать все сразу, рѣшительно не имѣютъ значенія, и даже тогда, когда властный произволъ навязалъ бы реформу силой, она не могла бы продержаться, такъ какъ для этого нужно было бы одновременно измѣнить духъ учителей, родителей и учениковъ.

Нужно отказаться отъ всѣхъ этихъ пышныхъ проектовъ коренныхъ реформъ и смотрѣть на нихъ, какъ на бесполезный наборъ звонкихъ фразъ. Для воспитанія, какъ, впрочемъ, и для всякихъ учрежденій, единственныя возможныя и полезныя реформы, это—маленькія измѣненія въ подробностяхъ, которыя дѣлаются послѣдовательно и непрерывно. Они являются тѣми песчинками, которыя въ концѣ-концовъ образуютъ горы.

И даже эти маленькія послѣдовательныя реформы возможны только тогда, когда онѣ вызываются необходимостью въ данное время и удовлетворяютъ требованіямъ общественнаго мнѣнія. Въ дѣлѣ воспитанія желанія и предрасудки родителей въ настоящее время — всесильны.

Мы попытаемся извлечь изъ груды представленныхъ въ парламентскую комиссію проектовъ реформъ нѣсколько такихъ, осуществленіе которыхъ возможно, если не теперь, то, по крайней мѣрѣ, черезъ нѣкоторое время, т. е. тогда, когда стоящіе на пути предрасудки будутъ поколеблены въ достаточной мѣрѣ.

Вотъ перечень главнѣйшихъ изъ этихъ поректовъ.

2. Измѣненіе въ подготовкѣ учителей. Необходимость для всѣхъ учителей пребыть сперва въ должности репетитора.

Я не думаю, чтобы при нашихъ, присущихъ латинской расѣ, возрѣніяхъ эта реформа могла бы скоро осуществиться, но, тѣмъ не менѣе, я упоминаю о ней прежде всего, какъ о проектѣ изъ числа представленныхъ однимъ министромъ въ палату депутатовъ. Она существенна и могла бы, когда явится возможность ее провести основательно, дать результаты, заслуживающіе полного вниманія.

Эта реформа имѣла бы два послѣдствія: первое, это — отмѣну ученыхъ степеней, установленныхъ для учителей *), второе, что пополненіе состава учителей рѣзко отличалось бы отъ того, какъ дѣлается теперь.

Отмѣна ученыхъ степеней имѣла бы весьма существенное значеніе. Мы, въ самомъ дѣлѣ, видѣли изъ показаній въ комиссіи, что если нашъ учительскій составъ такъ слабъ въ педагогическомъ отношеніи, то это потому, что неизбежность состязанія на ученые степени создаетъ какихъ-то специалистовъ, вмѣсто того, чтобы готовить учителей. Одинъ изъ лучшихъ министровъ народнаго просвѣщенія, Л. Буржуа, высказалъ это въ прекрасныхъ выраженіяхъ передъ комиссіей.

Состязаніе на ученую степень (высшую, чѣмъ лиценціатъ) могло бы, самое большее, допускаться для полученія права обучать на университетскихъ факультетахъ, хотя гораздо было бы лучше поступать, какъ въ Германіи, гдѣ профессора для высшихъ школъ выбираютъ по достоинству ихъ личныхъ работъ, по успѣхамъ въ ихъ свободномъ преподаваніи, а совсѣмъ не по способности ихъ пересказывать то, чему они выучились изъ книгъ. Нѣмецкій методъ создаетъ ученыхъ, способныхъ двигать науку, французскій — фабрикуетъ только попугаевъ.

Но насъ занимаетъ теперь вопросъ о среднемъ, а не о высшемъ образованіи. Для преподаванія въ среднихъ школахъ совсѣмъ не нужны специалисты, зарывшіеся въ книжныхъ тонкостяхъ. Простые лиценціаты, у которыхъ мозгъ не такъ переполненъ бесполезными вещами, гораздо предпочтительнѣе, и лучшимъ доказательствомъ тому служатъ учителя духовныхъ

*) Степень выше лиценціата, экстраординарная профессура. *Перев.*

школь, которые, самое большее, что имѣютъ степень лиценціата. Большинство нашихъ репетиторовъ, имѣя эту степень, обнаруживаютъ большую способность къ преподаванію въ среднихъ школахъ, если къ тому обладаютъ необходимыми педагогическими качествами. Что единственно важно знать, это — имѣютъ ли они эти качества.

Предположимъ же, что обязательная для учителей среднихъ школь ученая степень совсѣмъ отмѣнена, и посмотримъ, какимъ образомъ молодой лиценціатъ могъ бы сдѣлаться учителемъ. Онъ поступалъ бы въ лицей, какъ репетиторъ, но съ правомъ, какого онъ теперь почти не имѣетъ, репетировать съ учениками уроки и замѣнять учителя, когда онъ въ отпуску или боленъ. Это дало бы возможность судить, какими педагогическими способностями онъ обладаетъ. Черезъ 4 или 5 лѣтъ испытанія, если бы онъ оказался способнымъ къ преподаванію, то приобрѣталъ бы званіе учителя по той или другой каедрѣ элементарныхъ знаній. Далѣе онъ повышался бы въ порядкѣ старшинства по службѣ, какъ это дѣлается и теперь. Тогда исчезъ бы и антагонизмъ между учителями и репетиторами. Всякій учитель, который обязанъ былъ бы сперва пробить репетиторомъ, т. е. долженъ бы былъ постоянно жить съ воспитанниками, научился бы ихъ распознавать, и практика сдѣлала бы изъ него превосходнаго педагога.

Эта реформа не стоила бы ровно ничего государству. Въмѣсто того, чтобы имѣть дорого оплачиваемыхъ учителей съ учеными степенями и очень недостаточно вознаграждаемыхъ репетиторовъ, лицеи имѣли бы учителей, получающихъ нѣкоторое среднее содержаніе, но для нихъ была бы въ достаточной мѣрѣ заманчива перспектива повышеній по службѣ и обезпеченія при отставкѣ.

Что касается надзора за поведеніемъ воспитанниковъ, за порядкомъ въ спальняхъ и т. д., то можно было бы довѣрить этотъ надзоръ, какъ и предложилъ Л. Буржуа, простымъ унтеръ-офицерамъ. Привыкшіе къ дисциплинѣ, они были бы превосходными надзирателями, которые исполняли бы въ точности и съ удовольствіемъ обязанности, какія исполняются теперь репетиторами небрежно и безъ удовольствія.

Какъ-то робко была предложена такая реформа г. г. Л. Буржуа и Пайо. Легко, однако, было постигнуть сущность ихъ

намѣренія, и я только съ точностью его опредѣлилъ. Вотъ, впрочемъ, существенная часть ихъ заявленій.

Вмѣсто того, чтобы отличать категорію учителей отъ репетиторовъ, я думаю, что учитель могъ бы и даже, въ извѣстныхъ случаяхъ, долженъ былъ бы брать дѣтей изъ класса и заставлять ихъ работать; я думаю также, что репетиторы могли бы помогать въ обученіи по нѣкоторымъ частямъ курса; я поручилъ бы имъ дополнительные курсы. Почему бы имъ не вести преподаванія живымъ языкамъ, началамъ наукъ и т. д., если они имѣютъ соотвѣтственную ученую степень?

Предсѣдатель. Вы склонны къ тому, чтобы слить ихъ съ корпораціей учителей и не дѣлать болѣе такого безусловнаго разграниченія между ними? Это будутъ тогда исправляющіе должность учителей?

Л. Буржуа. Да.

Что касается репетиторовъ, то я полагаю, что мы не умѣемъ ихъ привлекать къ участию въ нашемъ обученіи. Большинство—люди молодые, способные, образованные, воодушевляющіеся; они преданы своимъ воспитательскимъ обязанностямъ. Мы съ нѣкоторымъ презрѣніемъ запрягаемъ ихъ въ обязанности чисто полицейскаго надзора. Мы могли бы извлечь большую пользу изъ ихъ горячей преданности дѣлу, и именно, поручить имъ въ извѣстной части обученіе. Мы хотѣлось бы также, чтобы учителя не считали ниже своего достоинства принимать участіе въ воспитательскомъ надзорѣ. Можно было бы начать съ того, что объявить часы занятій учителя и репетитора взаимно замѣняемыми; учителя могли бы поручать наиболѣе знакомымъ съ ихъ курсомъ репетиторамъ давать вмѣсто нихъ уроки въ классахъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, а зато сами должны были бы въ эти дни замѣнять ихъ въ часы воспитательскаго надзора. (Rayot).

Прибавимъ въ заключеніе, что такой немного демократизованный учитель, переставшій воображать себя не тѣмъ, что онъ есть на самомъ дѣлѣ, т. е. скромный труженикъ, будетъ вынужденъ заниматься учениками и даже, для увеличенія своихъ средствъ, брать нѣсколькихъ изъ нихъ къ себѣ на пансіонъ. Такой обычай—помѣщать учениковъ на попеченіе учителей въ ихъ семьяхъ—въ почетѣ у англичанъ и у нѣмцевъ, а наше учебное вѣдомство въ настоящее время воспрещаетъ это.

Не забудемъ, что воспитаніе—вещь существенно важная. Пока мы искренно не признали, что наша система имѣетъ значительные пробѣлы, до тѣхъ поръ мы ничего не сдѣлали. Тутъ я хотѣлъ бы, прежде всего, видѣть откровенное признаніе зла и твердое желаніе найти средства противъ него. Стараться, по возможности, избѣгать большого скопленія интерновъ въ заведеніи, считать за идеаль, когда ихъ мало.

Мы запрещаемъ учителямъ, въ томъ или другомъ видѣ, держать въ своей семьѣ воспитанниковъ, запрещаемъ эту конкуренцію! Нужно было бы ихъ поощрять въ этомъ; нужно было бы создать учителей-репетиторовъ, постороннихъ для заведенія, женатыхъ, которые держали бы у себя на попеченіи группу воспитанниковъ, составляли бы изъ нихъ маленькую семью; нужно было бы въ самыхъ лицахъ поставить учителей-репетиторовъ, по меньшей мѣрѣ, въ такую же роль, въ какой находятся учителя. (Séailles).

Поставить репетиторовъ въ «роль, въ какой находятся учителя», это именно то, чего мы и желаемъ. Эти роли будутъ одинаковы тогда, когда репетиторъ будетъ знать, что онъ работаетъ, какъ начинающій учитель, какъ дебютантъ, а будущіе учителя будутъ знать, что нельзя сдѣлаться учителемъ, не пробывъ сперва репетиторомъ.

Г. Куиба, бывшій профессоръ, очень хорошо выяснилъ въ палатѣ депутатовъ необходимость, чтобы учителя назначались изъ репетиторовъ послѣ того, какъ они пробыли въ своей должности достаточное время. Но я боюсь, что онъ не вполне созналъ тяжесть предразсудковъ университетской среды, которая безусловно противится такой реформѣ, несмотря на ея капитальное значеніе.

Откажитесь отъ несбыточной мечты готовить приватъ-доцентовъ и экстраординарныхъ профессоровъ и откройте всѣмъ этимъ молодымъ людямъ прямой доступъ къ ординарной профессурѣ; если нужно будетъ, уменьшите въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ число казенно-коштныхъ учениковъ, готовящихся къ степени лиценціата и къ приватной доцентурѣ, и число учениковъ нормальной школы и тѣмъ вы уменьшите число лиценціатовъ и экстраординарныхъ профессоровъ. Предоставляйте, по мѣрѣ надобности, освобождающіяся мѣста учителей въ коллежахъ репетиторамъ, имѣющимъ степень лиценціата. Я заранѣе подписываюсь, г. министр, и подпишется весь Университетъ подъ такими переходными мѣрами, которыя будутъ имѣть цѣлью улучшить въ указанномъ направленіи положеніе репетиторовъ.

Но я снова настаиваю на томъ, что всѣ эти мѣры только и могутъ имѣть временный характеръ. Нужно подготовить теперь же эту коренную реформу, которая осуществитъ идеалъ воспитанія, я хочу сказать—соединеніе въ одномъ лицѣ обязанностей учителя и репетитора. (Coubat).

Къ несчастью, хотя (философъ сказалъ бы *потому что*) наши присяжные учителя вышли изъ самыхъ скромныхъ рядовъ демократіи, они считаютъ себя важными особами и краснѣли бы, если бы ихъ смѣшивали съ репетиторами, людьми, очевидно, ничего не стоящими, такъ какъ они не болѣе какъ лиценціаты, т. е. не могутъ тягаться съ ними—пересказывать столько вещей!

Въ Германіи такіе странные предразсудки не существуютъ.

Я видѣлъ въ Германіи учителя, весьма освѣдомленнаго въ философіи Канта, который одновременно преподавалъ въ женскомъ лицей танцы, естественную исторію и музыку. (Boutroux, de l'Institut, professeur à la Sorbonne).

Но мы вѣдь во Франціи, странѣ демократической, а не въ Германіи, странѣ аристократической. Поэтому нужно было бы, чтобы какой-либо министръ проявилъ необычайную

энергію для осуществленія указанной реформы, которая, однако, является одною изъ главнѣйшихъ, о какихъ можно мечтать въ настоящее время.

3. Уменьшеніе числа рабочихъ часовъ.

Уменьшеніе числа рабочихъ часовъ, предлагавшееся нѣсколько разъ въ парламентской комиссіи, было бы, очевидно, превосходной мѣрой, но очень трудно будетъ ее примѣнить при настоящей организаціи лицеевъ. Было справедливо замѣчено въ комиссіи, что нельзя работать головой по 12 часовъ въ день. Вполнѣ очевидно и можно быть совершенно увѣреннымъ, что воспитанники не работаютъ въ теченіе этихъ 12 часовъ. На самомъ дѣлѣ, если ихъ и заставляютъ сидѣть по 12 часовъ въ день, такъ это просто потому, что не знаютъ, что съ ними дѣлать. Родители, учителя, надзиратели, — каждый прямо хочетъ отдѣлаться отъ нихъ. Г. Келлеръ правильно и ясно высказался объ этомъ.

Не мало найдется такихъ родителей, которые отдаютъ своихъ дѣтей въ коллежи, чтобы только отдѣлаться отъ нихъ, а тамъ надзиратели поддаются соблазну держать воспитанниковъ въ классахъ, гдѣ за ними легче наблюдать. (Keller, vice-président de la Société générale d'éducation).

Безъ сомнѣнія, было бы гораздо лучше, если бы воспитанники проводили половину своего времени на прогулкахъ, въ физическихъ упражненіяхъ и т. п. Но, благодаря противодѣйствію директоровъ, учителей и, вѣроятно, также родителей, я думаю, что эта реформа, если не невозможна, то, по меньшей мѣрѣ, ея осуществленіе очень затруднительно.

Этотъ единственный поводъ, заставлятъ воспитанниковъ сидѣть въ классѣ, чтобы не заботиться о нихъ, является также причиной тому, что увеличиваютъ время класснаго урока, дѣлая его продолжительнымъ до нелѣпости.

Въ нашихъ лицеяхъ урокъ продолжается безъ перерыва два часа. Между тѣмъ, эта продолжительность превышаетъ нормальную способность къ вниманію даже у взрослыхъ людей, а тѣмъ болѣе у дѣтей. Мы всѣ, читающіе лекціи, очень хорошо знаемъ, что одинъ часъ чтенія для профессора и для слушателей есть крайній предѣлъ полезнаго напряженія вниманія.

Признаюсь даже, что я скорѣе предпочелъ бы въ этомъ отношеніи нѣмецкую систему, которая опредѣляетъ продолжительность всякаго класснаго урока въ 50 минутъ. (Boutroux).

Эта реформа—одна изъ тѣхъ, какія приняты въ новыхъ программахъ. Сомнительно, чтобы воспитанники выиграли что-либо отъ нея. Время, которое они проводили сидя въ классѣ, они будутъ проводить въ сидѣннн на учебныхъ занятіяхъ. Можно быть совершенно увѣреннымъ, что имъ не удастся воспользоваться этимъ временемъ для прогулокъ или для физическихъ упражненій, въ которыхъ, однако, они такъ сильно нуждаются.

4. Англійское воспитаніе.

О преобразованіи воспитанія во Франціи на англійскій ладъ въ комиссіи упоминалось лишь вскользь. Тѣ, кто болѣе всѣхъ объ этой реформѣ кричалъ, не подумали ее защищать.

Я большой сторонникъ англійскаго воспитанія, о которомъ я очень часто говорилъ въ моихъ книгахъ и преимущества котораго я указывалъ гораздо раньше. Но это воспитаніе, вполне подходящее къ потребностямъ народа, у котораго дисциплина является наслѣдственной добродѣтелью, совсѣмъ не годится для молодыхъ людей латинской расы, у которыхъ нѣтъ никакой дисциплины и которые только и работаютъ, что по принужденію.

Что особенно вводить въ обманъ сторонниковъ англійской системы воспитанія, такъ это большія, такъ удобно устроенныя и расположенныя внѣ городовъ школы, но они забываютъ, что плата за воспитанниковъ въ этихъ заведеніяхъ чрезмѣрно высока, и потому поступать туда могутъ только сыновья изъ аристократическихъ семей или изъ богатыхъ семей среднихъ классовъ. Воспитываютъ тамъ превосходно, учатъ очень немногому, но питомцамъ этихъ школъ, благодаря вліянію ихъ родителей, открытъ доступъ къ высшимъ должностямъ въ учрежденіяхъ правительственныхъ, промышленныхъ и т. д.

Впрочемъ, совершенно бесполезно обсуждать это, такъ какъ для введенія англійской системы воспитанія пришлось бы разрушить весь строй нашихъ правительственныхъ школъ, каковъ онъ есть теперь, измѣнить воззрѣнія родителей, учителей и самую душу дѣтей. Это хорошо отмѣтили и Гастонъ Буассе.

Въ настоящее время англійское воспитаніе—модный вопросъ. Не легко будетъ его ввести у насъ. Какимъ образомъ хотите вы при той организаціи, какую имѣютъ наши заведенія, предоставить воспитанникамъ старшаго возраста требуемую свободу? Для этого пришлось бы совершенно разрушить то, что составляетъ сущность нашего воспитанія; пришлось бы все передѣлывать снова, какъ во времена Имперіи, отказаться отъ интернатовъ, измѣнить дисциплину, словомъ создать совсѣмъ другой строй правительственныхъ школъ (Université) на совершенно новыхъ основаніяхъ. И можно ли еще быть увѣреннымъ, что англійская система средняго образованія дѣйствительно такъ хороша, какъ о ней кричатъ. (Gaston Boissier, de l'Institut, professeur au Collège de France).

И потомъ еще всегда остается въ силѣ главное препятствіе—воззрѣніе родителей, которымъ реформаторы совсѣмъ пренебрегаютъ. Не думаютъ ли, что учебныя заведенія, устроенныя во Франціи по англійскому образцу, будутъ имѣть успѣхъ? Никакого. Родители очень бы боялись, что ихъ дѣтища простудятся или ушибутся во время игръ, и предоставленная имъ свобода не была бы принята.

Нельзя было бы сказать мнѣ, что я ничего не могу объ этомъ знать, такъ какъ подобныхъ заведеній во Франціи нѣтъ. Мнѣ было бы достаточно указать на то, что у насъ есть лицеи, которые, по крайней мѣрѣ, по своему расположенію внѣ городовъ и по удобству своего устройства, приближаются къ англійскимъ заведеніямъ. И что же? Далеко имъ до успѣха: они опускаются, и то же самое терпятъ подобныя имъ заведенія духовныхъ общинъ.

Лицей Мишле (Michelet) расположенъ на высокой, здоровой мѣстности, предоставляетъ семьямъ великолѣпныя тѣнистыя мѣста, участки земли для игръ, бассейны для купанья, манежъ, сады, просторъ на вольномъ воздухѣ, словомъ всѣ тѣ условія уединенія, которыя такъ способствуютъ воспитательской работѣ и при которыхъ можетъ развернуться сильное и здоровое воспитаніе. Лицею Лаканалъ также не въ чемъ завидовать англійскимъ заведеніямъ, которыя вполне справедливо пользуются хорошей репутаціей. И что же, лицей Мишле—для насъ одно только безпокойство. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ развивался. Онъ потерялъ въ своей репутаціи и продолжаетъ ее терять и теперь, хотя и не такъ чувствительно. Что касается лицея Лаканалъ, то онъ съ трудомъ пополняется. Такое положеніе вещей создалось не только въ лицеяхъ, расположенныхъ вблизи Парижа. Маленькіе лицеи: общины Талансъ въ Бордо, Сент-Рамбера въ Лионѣ, въ Ниццѣ la Belle-de-Mai не имѣютъ лучшей участи. Очевидно, что такой приѣмъ воспитанія пока не пользуется благосклонностью. (Gréard, vice-recteur de l'Académie de Paris).

Взгляните на три заведенія одного и того же округа: правительственное—лицей Лаканалъ, свободную школу Св. Барвары (Sainte-Barbe des Champs), представляющую собою нѣчто среднее между школами правительственной и духовной, и тутъ же на ряду духовную школу доминиканцевъ въ Аркеѣ. (Dominicains d'Arcueil).

И вотъ, ни одно изъ этихъ трехъ совершенно различныхъ заведе-

ній не могло избѣжать того отвращенія, съ какимъ въ настоящее время семьи посылаютъ своихъ дѣтей въ загородныя школы.

И кризисъ продолжается, несмотря на реформы въ школѣ Св. Варвары и на усиліе отца Дидона, который отправился въ Аркей, чтобы попытаться самому дать новый толчекъ школѣ доминиканцевъ.

Заведеніе въ Марсели достигло цифры въ 1683 воспитанника; но маленькій лицей, устроенный со всеми современными усовершенствованіями, шель всегда на убыль; въ Бордо точно такъ же этотъ кризисъ не прекращается, какъ и въ другихъ мѣстахъ, повсюду. Лицей въ Ванвѣ тоже не преуспѣваетъ. (Morlet, censeur à Rollin).

Такимъ то образомъ, вникая въ подробности проектовъ реформъ, которыя всякій предлагаетъ, и которыя на первый взглядъ такъ легко осуществить, мы видимъ встающую несокрушимую стѣну нравственныхъ причинъ, которую ораторы не замѣчаютъ и о которую разбивается все ихъ краснорѣчіе. Это—невидимыя пружины видимаго міра. Кажется, не близко ли часъ, когда мы будемъ отъ нихъ освобождены.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Перемѣны программъ.

Измѣненія программъ, предложенныя парламентской комиссией и принятыя палатой депутатовъ. Путаница въ этихъ новыхъ программахъ. Упорное заблужденіе латинскихъ народовъ насчетъ могущества государственныхъ учреждений, законовъ и программъ. Фактическая невозможность осуществленія какой бы ни было серьезной реформы при тѣхъ идеяхъ, какія теперь господствуютъ. Методы и самихъ учителей, а не программы, нужно было бы измѣнить. Всякія программы хороши, когда умѣютъ ими пользоваться. Причины неспособности учителей правительственныхъ школъ совершенно ускользаютъ отъ реформаторовъ.

Всѣ разсужденія въ парламентской комиссіи, конечно, только и привели къ новымъ измѣненіямъ программъ. Министръ народнаго просвѣщенія настоялъ на томъ, чтобы палата депутатовъ приняла новую учебную программу, редактированную въ особой комиссіи, которая пыталась примирить самыя противорѣчивыя мнѣнія. Единственно, что было полезнаго въ принятыхъ реформахъ, это то, что впредь среднее образованіе было бы согласовано съ начальнымъ, т. е. составляло бы продолженіе элементарнаго четырехлѣтняго курса. Очень сомнительно, чтобы эта реформа могла когда нибудь осуществиться при тѣхъ воззрѣніяхъ, какія имѣютъ наши учителя.

Все остальное привело къ полнѣйшему безпорядку. Бывшій министръ Аното высказался о немъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Повидимому, хотѣли всѣхъ удовлетворить.

... И для того все сохранили, все нагромодили въ этомъ новомъ второмъ циклѣ обученія и такимъ образомъ дошли до такой сложности, которая очень похожа на путаницу.

Справедливо опасаясь перегрузить программы, во второмъ циклѣ разбили обученіе на нѣсколько подраздѣленій, дополняющихъ или исключаящихъ одно другое, и сдѣлали это такъ усердно, что программы бу-

дуть походить на какія то алгебраическія выкладки, въ которыхъ будетъ очень трудно разобратъся. Г. Фортюль (Fortoul) изобрѣлъ [бифуркацію, теперь намъ предлагаютъ децифуркацію, вилу о десяти зубцахъ; это можетъ привести въ ужасъ.

Постараемся ясно это изложить. Уже съ перваго цикла подраздѣляютъ учениковъ на три категоріи: тѣ, которые обучаются латинскому и греческому языкамъ, тѣ, которые обучаются только латинскому языку, наконецъ тѣ, которые ни тому, ни другому не обучаются. Такимъ образомъ, при переходѣ во второй циклъ имѣются ученики первой категоріи, которые продолжаютъ обучаться обоимъ этимъ языкамъ, назову ихъ группою А; потомъ, есть ученики второй категоріи, продолжающіе изучать только латынь—группа В; наконецъ, ученики третьей категоріи, не изучающіе этихъ языковъ,—группа С. Но въ каждой изъ этихъ группъ имѣются такіе ученики, которые, продолжая изучать предметы своей группы, желаютъ присоединить къ своимъ новымъ занятіямъ либо изученіе наукъ, составляющее группу D, либо изученіе иностранныхъ языковъ—группу E. Есть также и такіе, которые изучали древніе языки и отказываются отъ нихъ, желая только изучать науки и новые языки; эти ученики снова попадаютъ въ категорію тѣхъ, которые въ первомъ циклѣ не обучались ни латинскому, ни греческому языкамъ и образуютъ наряду съ ними группу F. Наконецъ, есть такіе, которые хотя продолжаютъ обучаться всему за-разъ; думаютъ, что такіе найдутся и образуютъ такимъ образомъ группу G.

Вы думаете, что это и все. Вовсе нѣтъ. Имѣется предательски соблазнительный параграфъ подъ названіемъ *новая секція*, которая составляетъ „послѣ перваго цикла и на ряду со вторымъ“ продолженіе въ видѣ изученія болѣе краткаго курса, исключительно посвященнаго наукамъ и живымъ языкамъ, который приближается къ тому, что нѣмцы называютъ „реальнымъ образованіемъ“. Это выходитъ новая группа, очень отличающаяся отъ другихъ, которую для удобства рѣчи мы назовемъ группою H. Получилось 8 группъ, и я еще пропустилъ нѣкоторыя.

И вотъ, когда юноша, только что вышедшій изъ 3-го класса, очутится у входа во второй циклъ, ему съ важною поставкою вопросъ: куда вы предполагаете идти, молодой человѣкъ? Въ группу С или въ группу H; или желаете вы соединить группу А съ группою С? Обдумайте хорошенько, главное не ошибитесь, такъ какъ разъ кто выбралъ извѣстную группу, то отступленія нѣтъ, оставьте всякую надежду, *lasciate ogni speranza*.

Очевидно всѣ удовлетворены и больше всѣхъ нашъ старый знакомый — „школьный предразсудокъ“. Хорошо ли, дурно ли, воспитанники пойдутъ маленькими кучками по этимъ различнымъ путямъ. Но учителя, какъ имъ быть, гоняясь безпрестанно за этимъ маленькимъ, осужденнымъ на смерть баталіономъ, который будетъ входить, выходить, развертываться, смыкаться, выравниваться и, наконецъ, очутившись въ сплошной массѣ подъ стѣнами неприступной крѣпости, пойдетъ на рѣшительный приступъ.

Заблужденіе латинскихъ народовъ насчетъ всемогущества законовъ, учреждений и программъ слишкомъ неискоренимо для того, чтобы былъ интересъ пытаться его побороть. Иностранцу, который хотѣлъ бы понять тщеславіе этого заблужденія, достаточно было бы просмотрѣть маленькій томикъ въ 230 страницъ, изданный въ 1890 г. подъ названіемъ *Instruction, programmes et règlements* *), которымъ руковод-

*) Инструкція, программы и правила. Перев.

ствуются еще и теперь при обученіи въ нашихъ правительственныхъ школахъ. Эта книжка подписана Леономъ Буржуа въ то время, когда онъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія, и большая ея часть редактирована имъ самимъ.

Было бы трудно, если не касаться преподаванія языковъ, указать лучшее сочиненіе по вопросамъ объ обученіи, и учителя нигдѣ не нашли бы болѣе разумныхъ совѣтовъ. Иностранецъ, который прочелъ бы такіа программы, сказалъ бы, что наше обученіе превосходно. Побывавъ же въ нашихъ лицахъ и послушавъ ихъ воспитанниковъ, онъ сказалъ бы, согласно съ мнѣніемъ парламентской комиссіи, что, напротивъ, наше обученіе, быть можетъ, самое худшее, какого не встрѣтишь ни въ одной цивилизованной странѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ему бы ясно представилась очевидность того положенія, о которомъ никто не заикнулся въ парламентской комиссіи, вѣроятно, потому, что никто его не понималъ, что программы не имѣютъ значенія. При хорошихъ учителяхъ всѣ программы превосходны.

Важность въ томъ, повторяю еще, что нужно измѣнить методы, а не программы.

Единственно полезное измѣненіе въ программахъ состояло бы въ сокращеніи на $\frac{3}{4}$ указаннаго въ нихъ учебнаго матеріала. Къ сожалѣнію, вмѣсто того, программы только увеличиваются. Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ извѣстный ученый А. Готье (Armand Gautier) указалъ послѣдствія этой перегрузки.

... Если приложить одно и то же количество работы или напряженія къ изученію всего того, что указано въ программахъ, которыя становятся всеболѣе и болѣе разнообразными, всеболѣе и болѣе расширяются, то получится неизбѣжный результатъ—безуспѣшность, какая все болѣе и болѣе становится очевидной по каждому учебному предмету, за исключеніемъ того или тѣхъ предметовъ, какіе ученикъ предпочитаетъ и хорошо понимаетъ. Нескончаемое расширеніе программъ пугаетъ боязливыхъ, слабыхъ и среднихъ учениковъ и, что главнѣе всего, неминуемо создаетъ эту поголовную посредственность и верхоглядство, эту привычку у дѣтей на-скоро готовиться къ экзаменамъ при посредствѣ искусственныхъ приѣмовъ, благодаря которымъ, спустя день, въ головѣ почти ничего не остается, это стремленіе развивать память въ ущербъ разсудочной способности, это приготовленіе накладного металла, который, если не на цѣлый день, то хоть на одинъ часъ имѣлъ бы видъ настоящаго золота.

Я, напротивъ, раздѣляю мнѣніе большинства моихъ коллегъ, въ частности гг. Рошара и Арди, когда они требуютъ, чтобы были упрощены испытанія на степенъ бакалавра. Я еще дальше ихъ иду, такъ какъ не пожалѣлъ бы, если бы не существовало экзамена на бакалавра въ томъ видѣ, какъ онъ есть, являющагося главной причиной нашего

школьного переутомленія, этой работы на дипломъ, этого не прерывающагося въ послѣдніе лицейскіе годы кошмара—*подготовки къ башо*¹⁾! Хорошо подобрана эта презрительная форма выраженія, чтобы характеризовать и самые презрѣнные результаты этой подготовки. Но какъ же не думать серьезно объ этомъ испытаніи ученикамъ, видящимъ въ немъ одну лишь обузу, отъ которой пріятно отдѣлаться, учителямъ, для которыхъ оно является горькой пилюлей, какую надо же когда нибудь проглотить и, наконецъ, экзаменаторамъ, которые все болѣе и болѣе чувствуютъ въ себѣ склонность идти на уступки передъ этой поголовной посредственностью. (Armand Gautier, professeur à la Faculté de médecine).

Необходимость сокращенія программъ была также заявлена въ парламентской комиссіи.

Если бы согласились реформировать программы, то нужно было бы ихъ создать совсѣмъ противоположныя существующимъ. Довольствоваться только тѣмъ, что возможно требовать, но требовать это основательно; возстановить на почетномъ мѣстѣ научный духъ изслѣдованія вмѣсто книжной учености. (Lippmann)²⁾.

Нельзя было бы лучше сказать, но такое сокращеніе программъ, кажется, едва ли можетъ быть осуществлено при существующихъ теоретическихъ воззрѣніяхъ. Въ университетской средѣ прочно держится идея, что достоинство людей измѣряется количествомъ вещей, о которыхъ они могутъ разсказывать, и она не только не желаетъ уменьшить это количество, а ищетъ какъ бы его увеличить. Она чувствуетъ, впрочемъ, такую потребность въ единообразіи и въ регламентаціи и, кромѣ того, такъ недовѣрчиво относится къ своимъ учителямъ, что находитъ нужнымъ указать до послѣднихъ мелочей, такъ сказать, страница за страницей, то, что должно быть преподано.

Учить немногому, но учить основательно—должно бы быть господствующей идеей при обученіи. Сомнительно, чтобы она въ настоящее время нашла много сторонниковъ какъ среди учителей, такъ и среди родителей.

Еще и еще повторяю, насколько праздны всѣ эти споры о программахъ. Къ сожалѣнію, пройдетъ много времени, прежде чѣмъ будетъ возможно заставить университетскую среду про-

¹⁾ *La préparation au bachelot*. Bachelot—челнокъ, маленькій паромъ. Башо является, вмѣстѣ съ тѣмъ, фамильярнымъ искаженіемъ слова *бакалавр* (бакалавръ). Перев.

²⁾ На меня сильно напалъ въ Академіи наукъ г. Липпманъ по поводу нѣкоторыхъ вопросовъ по физикѣ, и я знаю, что онъ относится очень непривѣтливо къ тѣмъ рѣдкимъ ученымъ, которые имѣли бы надобность дѣлать изысканія въ управляемой имъ лабораторіи, носящей въ теоріи названіе „публичной“, но это не можетъ помѣшать мнѣ признать, что его заявленіе въ парламентской комиссіи было однимъ изъ самыхъ полезныхъ, хотя оно и недостаточно развито.

никнуться истиной, что только одни методы обученія имѣютъ значеніе. При хорошихъ методахъ программы могутъ состоять изъ нѣсколькихъ строкъ.

Предразсудки латинской расы насчетъ важности программъ такъ велики, что въ многочисленныхъ, изданныхъ во Франціи, работахъ по вопросамъ объ образованіи въ другихъ странахъ почти невозможно найти сколько нибудь точныхъ свѣдѣній о методахъ обученія. Авторы этихъ трудовъ думали, безъ сомнѣнія, что это несущественныя подробности.

Воспитаніе какого нибудь народа не можетъ, очевидно, соответствовать вполнѣ другому народу, но при изученіи этого воспитанія въ подробностяхъ всегда найдется много поучительнаго. И если мы иногда даемъ себѣ трудъ переснимать планы иностранныхъ учреждений, то могли бы и потрудиться изучить, что дѣлается внутри ихъ.

Что болѣе всего содѣйствовало римлянамъ сдѣлаться хозяевами въ мірѣ, сказалъ Монтеस्कье, такъ это то, что они, ведя войны одна за другой, перевстрѣчались со всѣми народами и всегда отказывались отъ своихъ обычаевъ, какъ только находили что либо лучшее.

Онъ замѣчаетъ еще, что галлы никогда не могли подняться до такого разумѣнія.

И что поразительно, сказалъ онъ: народы, съ которыми встрѣчались римляне почти во всѣхъ странахъ и почти во все времена, не избѣгли разрушенія и погибли одинъ за другимъ, никогда не созная, не доискиваясь и не предотвращая причинъ своего несчастья.

Обученіе въ нашихъ правительственныхъ школахъ есть одна изъ главныхъ причинъ происходящаго въ настоящее время упадка, но мы этого не понимаемъ. И мы будемъ продолжать спускаться по наклонной плоскости именно потому, что мы этого не понимаемъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Вопросъ объ обученіи греческому и латинскому языкамъ.

1. Какъ велика польза отъ обученія греческому и латинскому языкамъ. Всякое разсужденіе о пользѣ обученія этимъ языкамъ не имѣетъ цѣли, такъ какъ ученики знаютъ изъ нихъ только нѣсколько словъ. Мнѣнія самыхъ авторитетныхъ лицъ Университета о древнихъ языкахъ. Приписываемыя латинскому языку воспитательныя качества. Почему живые языки обладаютъ тѣми же качествами. Каковы знанія учениковъ по языкамъ послѣ семилѣтняго обученія. Вопросъ о греческомъ и латинскомъ языкахъ въ Германіи.

2. Мнѣніе среди семей объ обученіи греческому и латинскому языкамъ. Семей совершенно противъ отмены обученія этимъ языкамъ. Это мнѣніе раздѣлили и торговыя палаты. Результаты „разслѣдованія“ по поводу требованій семей. Психологическія причины, по которымъ средніе зажиточные классы признаютъ пользу отъ обученія латинскому языку.

3. Обученіе греческому и латинскому языкамъ при существующихъ предразсудкахъ. Необходимость сохранить въ обученіи эти языки для вилы, чтобы удовлетворить предразсудки въ семьяхъ. Одинъ часъ въ недѣлю по латинскому языку былъ бы достаточенъ. Какимъ образомъ, если бы этотъ часъ былъ хорошо использованъ, ученики знали бы гораздо больше по-латыни, чѣмъ теперь. Престижъ латыни исчезнетъ только тогда, когда она будетъ введена въ начальномъ обученіи.

I. Какъ велика польза отъ обученія греческому и латинскому языкамъ.

Всѣ знаютъ эти нескончаемые за послѣднія тридцать лѣтъ споры по вопросу о преподаваніи греческаго и латинскаго языковъ. Вопросъ этотъ въ настоящее время пріобрѣлъ какую-то сантиментальность, вошелъ въ область чувствъ, гдѣ разумъ уже не проявляется.

Всѣ эти споры пошатнули, однако, въ глазахъ новаго поколѣнія престижъ мертвыхъ языковъ, хотя и не привели

къ опредѣленному рѣшенію. Независимые умы легко замѣчаютъ, что защитниками этихъ языковъ почти только и являются—кромѣ отцовъ семействъ, запуганныхъ призракомъ вѣковыхъ традицій, и нѣкотораго числа безграмотныхъ купцовъ — учителя и почтенные академики, для которыхъ эти языки представляютъ или представляли средства для существованія. Послѣдніе изъ этихъ защитниковъ греко-латинскаго воспитанія сами все болѣе и болѣе колеблются и становятся въ своей защитѣ все менѣе и менѣе рѣшительными. Къ тому же всѣмъ имъ приходится сознаться, что обученіе древнимъ языкамъ въ правительственныхъ школахъ идетъ такъ плохо, что послѣ семи или восьми потраченныхъ на него лѣтъ у учениковъ остаются какія то неопредѣленныя о нихъ представленія, очень скоро исчезающія послѣ экзамена. Самые сильные ученики съ трудомъ могутъ перевести въ теченіе двухъ часовъ, не разлучаясь со словаремъ, одну страницу очень легкаго автора.

Впрочемъ, заявленія, сдѣланныя въ парламентской комиссіи, намъ разясняютъ, какую пользу приносятъ эти языки, продолжающіе еще служить основой классическаго образованія и на обученіе которымъ уходятъ многіе драгоценныя годы.

Доводъ, на который болѣе всего опираются и всегда повторяютъ въ пользу греческаго и латинскаго языковъ, тотъ, что въ нихъ находится какая то таинственная «воспитательная добродѣтель». Такой сантиментальный доводъ потому только, что онъ давно въ ходу, всегда производитъ впечатлѣніе на слабые умы.

Вѣроятно, однако, что онъ не долго удержится, такъ какъ весьма освѣдомленные авторитеты взялись отвѣчать на него въ парламентской комиссіи, указывая, что приписываемая древнимъ языкамъ пресловутая «воспитательная добродѣтель» въ такой же мѣрѣ находится и въ живыхъ языкахъ, которые, по крайней мѣрѣ, имѣютъ еще и практическое значеніе. Вотъ, впрочемъ, выдержки изъ этихъ заявленій, заслуживающія наибольшаго вниманія.

Переводы греческаго и латинскаго текстовъ на родной языкъ, конечно, и я этого не отвергаю, представляютъ хорошую гимнастику для ума. Почему? Потому что они приучаютъ дѣтей отдѣлять идеи отъ словъ и предметы отъ ихъ символовъ; потому что они дѣйствительно заставляютъ дѣтей размышлять о самихъ вещахъ и одновременно о различныхъ вы-

раженіяхъ ихъ подъ видомъ символовъ или словъ; но почти ту же выгоду даютъ и переводы съ языковъ нѣмецкаго, англійскаго, итальянскаго. (R. Poincaré).

Я получилъ на общемъ конкурсѣ вторую премію за составленіе рѣчи на латинскомъ языкѣ, и потому, кажется, мнѣ позволительно говорить свободно о классическомъ образованіи и объ его результатахъ.

Я полагаю, что можно ознакомить учениковъ и при посредствѣ живыхъ языковъ съ идеями и красотами древняго міра, и при томъ гораздо скорѣе, гораздо вѣрнѣе и полнѣе, пользуясь хорошими переводами съ подходящими поясненіями, чѣмъ при посредствѣ тяжелыхъ, неувѣренныхъ, ежедневно прерываемыхъ и возобновляемыхъ объясненій очень маленькихъ отрывковъ изъ большихъ сочиненій. Никогда при обученіи этимъ языкамъ ученикъ не имѣетъ передъ глазами чего нибудь пѣлаго. Сидя надъ нѣсколькими стихами и медленно разбираясь въ нихъ, онъ никогда не видитъ всей проходящей черезъ текстъ пѣсни Гомера или Вергилія.

Когда я провѣряю себя съ полною искренностью, то придаю мало цѣны тому, чему я выучился по греческому и латинскому языкамъ. Какъ жаль, что раньше я не подумалъ обучаться нѣмецкому или англійскому языкамъ и о томъ, чтобы быть свѣдущимъ въ вопросахъ искусствъ. (Maldidier, professeur agrégé de l'Université).

Образовательное значеніе самого процесса перевода и сопоставленія выражений мысли на разныхъ языкахъ остается одно и то же для *какихъ угодно* языковъ. Говорятъ, что творенія древнихъ авторовъ обладаютъ въ высшей мѣрѣ воспитательною силою; это справедливо, но при условіи, что ученикъ обладаетъ знаніемъ языка, достаточнымъ для пониманія этихъ твореній. Между тѣмъ, часто составляютъ себѣ ложное понятіе о тѣхъ представленіяхъ, какія создаются у воспитанниковъ. Если дѣти затрудняются даже понимать склоненія и спряженія, встрѣчаютъ очень большое затрудненіе въ переводѣ какого либо оборота рѣчи и, случается, что представляютъ свои обязательные переводы въ грубомъ, лишенномъ всякаго смысла, изложеніи, то спрашивается, могутъ ли эти дѣти вкусить что либо отъ мысли авторовъ, которыхъ они вымучиваютъ. (Weil, professeur au lycée Voltaire).

Я не думаю, чтобы мертвые языки имѣли особое, свойственное имъ, воспитательное значеніе. Напротивъ, я полагаю, что живые языки уже только потому, что они живые, имѣютъ преимущество въ воспитательномъ отношеніи. (Aulard, professeur à la Sorbonne).

Нужно, по истинѣ, обладать особымъ мистицизмомъ, чтобы говорить еще о воспитательной силѣ древнихъ языковъ, объ общихъ и всемірныхъ идеяхъ, которыя они намъ передаютъ. Одинъ изъ составителей официальной инструкціи изд. 1890 г. приводитъ въ доказательство той пользы, какую приносятъ грамматика и латинскій языкъ, слѣдующій странный доводъ: «однимъ словомъ, дѣло въ томъ, что нужно изучать грамматику для того, чтобы умѣть читать Вергилія и Тацита, читать Вергилія, чтобы научиться любить деревню и поля, читать Тацита, чтобы проникнуться чувствами Траяна и Гельведія Приска». Это только мозги нашихъ присяжныхъ педагоговъ могутъ заниматься подобными умствованіями съ такой жалкой психологіей. Всѣ наши юные воспитанники были бы героями, преисполненными отваги, если бы имъ было

достаточно прочесть о подвигах великихъ людей, чтобы воодушевиться ихъ чувствами. Допустимъ даже невѣроятное, что чтеніе обладаетъ такимъ благодѣтельнымъ свойствомъ; почему же оно могло бы потерять это свойство, если бы латинскій или греческій текстъ былъ замѣненъ переводомъ на живой языкъ, который каждому хорошо понятенъ, тогда какъ оригиналъ остается непонятнымъ для громаднаго большинства воспитанниковъ?

Оставимъ совершенно въ сторонѣ этотъ вопросъ о пользѣ, который, однако, не остается безъ вниманія въ настоящее время, и посмотримъ, нѣтъ ли другихъ знаній, которыя обладали бы большимъ воспитательнымъ значеніемъ, чѣмъ имѣетъ латинскій языкъ. Въ одной рѣчи, произнесенной въ палатѣ депутатовъ по поводу реформы обученія, г. Массэ отвѣтилъ на этотъ вопросъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Гуманисты, истолкователемъ которыхъ только что былъ г. министр оспариваютъ это преобразованіе, ссылаясь на воспитательныя качества мертвыхъ языковъ, единственно способныхъ, какъ думаютъ они, формировать сердце и давать широкое умственное развитіе. Но развѣ науки не имѣютъ также воспитательнаго значенія, и изученіе великихъ законовъ природы, физическихъ и химическихъ, происходящихъ на нашихъ глазахъ явленій, превращеній на нашей планетѣ, открытій исчезнувшихъ породъ, взаимной связи между науками, которая и составляетъ сущность философій, все это развѣ не способно формировать сердце молодыхъ поколѣній? Что касается ума, то развѣ онъ не будетъ закаляться, если вмѣсто изученія отвлеченностей логики онъ будетъ послѣдовательно пользоваться разными приѣмами въ разсужденіи, дедукціей въ математикѣ, индукціей въ физикѣ и естественныхъ наукахъ?

Среди классическихъ доводовъ въ пользу латыни, ссылались, конечно, на то, что она могла быть полезной для изученія юридическихъ наукъ. На это имѣется категорическій отвѣтъ юристовъ, авторитета которыхъ никто не будетъ оспаривать, и именно Г-на Саррю, главнаго адвоката Кассационнаго Суда.

Изъ нашихъ восьми кодексовъ, очевидно, только одинъ гражданскій, который нѣсколько соприкасается съ римскимъ правомъ; въ остальныхъ семи нельзя было бы найти ни малѣйшаго слѣда этого права.

Въ дѣйствительности римское право не изучается. Изъ 40 лиценціатовъ правъ 39 не раскрывали ни одной книги по римскому праву. *Едва одинъ изъ 10 воспитанниковъ нашихъ лицеевъ способенъ перевести текстъ изъ римскаго права даже съ помощью словаря.* (Sarrut, avocat général à la Cour de cassation).

Въ перечнѣ доводовъ, мало, впрочемъ, различающихся между собою, которые выставались въ комиссіи въ пользу

латыни, есть одинъ изъ области фантазіи, достойный того, чтобы его увѣковѣчить. Авторъ его — профессоръ Будоръ (Boudhors) сдѣлалъ такое открытіе, что въ латинской литературѣ «мы имѣемъ республиканскую литературу, какой мы не найдемъ больше нигдѣ». Греко-латинская древность представляетъ, по мнѣнію этого милаго педагога, «свободныхъ гражданъ въ свободныхъ странахъ».

Удивительно, что такія устарѣвшія и такія ложныя идеи еще распространяются въ университетской средѣ. Нужно ли, въ самомъ дѣлѣ, ихъ опровергать? Всѣ эти древнія республики были не что иное, какъ олигархіи, въ которыхъ аристократическія фамиліи неограниченно царствовали надъ простымъ народомъ, и ничто не могло быть менѣ демократичнымъ, какъ такой режимъ, былъ ли онъ при Катонѣ, Цезарѣ, или во времена греческихъ республикъ, Цицеронъ, Катилина и т. д. боролись не изъ-за принциповъ, какъ борются разныя партіи теперь, но изъ-за соперничества въ личномъ тщеславіи.

Что касается такъ называемыхъ свободныхъ греческихъ республикъ, то нужно такъ же мало проникать въ историческіе факты, какъ это дѣлаютъ многіе историки, чтобы вѣрить въ свободу древней Греціи и восхвалять ее.

Никогда всевластный кумиръ не держалъ подъ своимъ игомъ своихъ обожателей въ такомъ подчиненіи, въ какомъ находились подъ желѣзною рукою обычая самые цивилизованные народы греко-латинской древности.

Государство, т. е. совокупность законовъ, охранявшая традиціи и обычаи, представляло собою все, а человѣкъ былъ ничто. Никакая сила не могла бы спасти того, кто осмѣлился бы посягнуть на эту святыню. Будь онъ мудръ, какъ Сократъ, противъ него тотчасъ же подымался весь народъ. Власть умершихъ надъ живыми была тогда всемогуща. О томъ, что мы называемъ свободой, человѣкъ не имѣлъ даже понятія. Какое бы названіе ни носила форма правленія — аристократическая, монархическая, демократическая — ни одна изъ нихъ не допускала личной свободы, и легко понять, что при тѣсномъ объединеніи, необходимомъ для націй, желающихъ сохранять свое могущество, ни при одной изъ этихъ формъ не могла быть терпима личная свобода. Древняя Греція не знала свободъ ни политической, ни религіозной,

ни свободы частной жизни, ни свободы мнѣній и воспитанія, не знала никакой свободы. Ни тѣло, ни душа, ничто въ человѣкѣ не было свободно. Онъ весь принадлежалъ государству, которое могло распоряжаться имъ самымъ и его имуществомъ, какъ хотѣло. Въ тѣ древнія времена, которыя намъ еще ставятъ въ образецъ, не дозволялось отцу имѣть уродливаго ребенка; если у него такой рождался, то этотъ ребенокъ осуждался на смерть. Въ Спартѣ государство управляло воспитаніемъ, на которое отецъ не имѣлъ никакихъ правъ. Аѳинскій законъ не позволялъ гражданину уклоняться отъ участія въ общественныхъ совѣщаніяхъ и отъ очередныхъ занятій по установленнымъ должностямъ. Я уже не говорю о религіозной тираніи. Аѳиняну очень рѣдко приходило въ голову, чтобы усомниться въ мѣстныхъ богахъ. Сократъ поплатился жизнью за такое сомнѣніе. Законъ строго каралъ всякаго, кто уклонялся свято праздновать національный праздникъ. Государство стѣсняло человѣка даже въ самыхъ естественныхъ его чувствахъ и допускало въ немъ только какой то коллективный эгоизмъ. Когда спартанцы были разбиты при Левктрахъ, матери убитыхъ должны были показываться въ народѣ съ веселыми лицами и приносить благодареніе богамъ, тогда какъ матери оставшихся въ живыхъ должны были казаться удрученными. Когда Руссо восхищается этой характерной особенностью, то этимъ только показываетъ, до какой степени онъ не зналъ, какая была въ древности тиранія государства. Такъ называемая свобода древнихъ временъ, какую ученики этого философа приняли за основу своей политической системы, была не болѣе, какъ безусловное подчиненіе гражданъ. Инквизиція со своими кострами не составляла болѣе суроваго режима.

Единственный серьезный доводъ, который могли въ былое время приводить въ пользу греко-латинскаго воспитанія, это тогъ, что оно содѣйствовало образованію выдающихся людей послѣднихъ вѣковъ. Въ ту эпоху оно, дѣйствительно, представляло энциклопедію человѣческихъ знаній. Библія и греко-латинскія сочиненія являлись почти единственными источниками, изъ которыхъ можно было почерпнуть знанія. Но въ настоящее время міръ совершенно измѣнился, и книги, по которымъ училось столько поколѣній, представляютъ собою

не болѣе, какъ историческіе документы, пригодные для за-
полненія досуговъ нѣкоторыхъ ученыхъ.

Впрочемъ, пресловутый доводъ, что греко-латинское вос-
питаніе есть сокровищница общихъ идей, почти и не при-
водился въ парламентской комиссіи. Вспомнили объ одной
знаменитой лекціи Ю. Леметра, который былъ сперва про-
фессоромъ, а потомъ академикомъ. Я привожу изъ нея нѣ-
сколько выдержекъ, которыя послужатъ заключеніемъ того,
что было сейчасъ сказано:

И что же, наконецъ, представляетъ собою эта пресловутая сокро-
вищница общихъ и воспитательныхъ идей, которыя составляли бы мо-
нополию греко-латинской литературы!

Не будемъ говорить о греческомъ языкѣ, который даже въ высшей
школѣ хорошо знаютъ лишь нѣкоторые спеціалисты. Это сокровище,
считающееся единственнымъ и незамѣнимымъ, составляютъ: нѣсколько
страницъ изъ Лукреція, главный интересъ которыхъ въ томъ, что
въ нихъ проглядываетъ въ неопредѣленныхъ формахъ дарвинизмъ;
нѣсколько отрывковъ изъ *Георгики* Вергилія, которые не стоятъ извѣст-
ныхъ отрывковъ изъ Ламартина или Мишле, и описаніе любви Дидоны,
которое блѣднѣетъ передъ описаніемъ любви Герміоны или Роксаны
у Расина; нѣсколько главъ о Неронѣ изъ Тацита; въ посланіяхъ Горация
та же мудрость, что у Веранже и у Сарса; спиритуализмъ философскихъ
компиляцій Циперона, такой же, какъ и у Кузена; театральныи сто-
ицизмъ въ письмахъ и изслѣдованіяхъ Сенеки и, наконецъ, почти всегда
скучное ученое краснорѣчіе Тита Ливія, Квинта Курція, Саллюстія и
Тацита *). По правдѣ сказать, ничего больше. Между тѣмъ все это со-
брано цѣликомъ у Монтэня и разбросано по сочиненіямъ писателей XVII
вѣка, къ которымъ намъ стоитъ только обращаться.

Нѣтъ, я это хорошо чувствую: не грекамъ, не римлянамъ обязанъ я
развитіемъ своего ума и своего сердца.

И если я, который прекрасно зналъ 25 лѣтъ тому назадъ латинскій
языкъ, не могъ извлечь изъ него выгоды, то какую же пользу можетъ
онъ принести девяти десятымъ нашихъ воспитанниковъ, которые какъ
будто и изучаютъ его, но не знаютъ и не могутъ его знать?

Если бы даже латинскія сочиненія заключали въ себѣ
какое-то сокровище общихъ идей, то казалось бы очевид-
нымъ, что для отысканія его нужно было бы, по меньшей
мѣрѣ, ихъ читать. Офіціальный документъ намъ скажетъ,
что собственно прочитали воспитанники изъ древнихъ или
новыхъ авторовъ въ теченіе семилѣтняго пребыванія въ школѣ:
«если бы всѣ страницы греческаго, латинскаго, французскаго
текстовъ, прочитанныя и объясненные въ теченіе учебнаго
курса, были собраны въ одну книжку, то все-таки полу-

*) Conciones latinae.

чилась бы брошюра въ палецъ толщиной». (Instructions, 1890 г.).

Я почти только и говорилъ на предыдущихъ страницахъ о латинскомъ языкѣ. Не интересно было бы распространяться по вопросу о греческомъ языкѣ, на который парламентская комиссія почти совсѣмъ не обратила вниманія. Было признано, что знанія, какими обладаютъ ученики, почти граничатъ съ полнымъ невѣдѣніемъ и почти не идутъ далѣе знанія азбуки и спряженія нѣсколькихъ глаголовъ.

Сами учителя не особенно сильны въ языкѣ, какой они преподають. Г. Брюно далъ интересные документы на этотъ счетъ:

Я могу вамъ сказать, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы установили при испытаніи на степень экстраординарнаго профессора задавать кандидатамъ переводъ безъ предварительной подготовки, и оказалось невозможнымъ предложить нашимъ будущимъ профессорамъ что либо, кромѣ нѣкоторыхъ очень легкихъ мѣстъ текста. Въ этомъ же году мы обсуждали вопросъ о назначеніи текста Гомера для такого испытанія. И это оказалось невозможнымъ. (Brunot, maître de conférences à la Sorbonne).

При такихъ условіяхъ, обученіе греческому языку не должно бы быть, по моему мнѣнію, обязательнымъ даже для классическаго образованія, за исключеніемъ случаевъ, когда молодые люди или семьи желаютъ выбрать его, какъ спеціальность, и имѣютъ достаточную склонность къ тому, чтобы посвятить себя изученію его по доброй волѣ. (Berthelot, ancien Ministre de l'Instruction publique).

Въ Германіи вопросъ о классическомъ образованіи, поставленномъ, однако, гораздо выше, чѣмъ у насъ, вызвалъ также бурные споры. Въ особой комиссіи, собранной въ Берлинѣ въ 1890 г., императоръ произнесъ пламенную обвинительную рѣчь противъ обученія греко-латыни. Но всемогущій кесарь не могъ исполнѣ восторжествовать надъ сопротивленіемъ со стороны университетовъ, и преподаваніе древнихъ языковъ осталось безъ измѣненія. Впрочемъ, какъ справедливо говорить г. Лихтенбергеръ, профессоръ нѣмецкаго языка въ университетѣ въ Нанси, «на гуманизмъ въ современной Германіи начинаютъ смотрѣть, какъ на безплодный культъ умершей навсегда старины, какъ на идеаль перезрѣлой красоты, какъ на утратившую свою силу религію, годную, самое большое, для отсталыхъ и слабыхъ, но не оказывающую дѣйствія на современнаго человѣка, который долженъ быть приготовленъ къ дѣятельности».

2. Мнѣніе среди семей по поводу обученія греческому и латинскому языкамъ.

Изъ того, что было сказано, вытекаетъ съ очевидностью, что обученіе греческому и латинскому языкамъ равносильно полнѣйшей потерѣ времени. Эти языки, по мнѣнію самыхъ авторитетныхъ знатоковъ дѣла, лишены всякой пользы, и даже въ томъ случаѣ, если бы они были полезны, выгоды не получилось бы никакой потому, что учителя правительственныхъ школъ должны признать себя неспособными преподавать эти языки своимъ ученикамъ. Очевидно, что потерянные такимъ образомъ часы могли бы быть посвящены изученію весьма полезныхъ вещей, напр. новыхъ языковъ.

Можно ли изъ этого заключить, что есть какое нибудь вѣроятіе, что обученіе греко-латыни исчезнетъ изъ нашихъ лицеевъ? Никоемъ образомъ. Противъ этой реформы мы снова увидѣли бы ту неразрушимую стѣну причинъ правительственнаго порядка, на которую мы уже не разъ наталкивались. Эта стѣна сложена по волѣ родителей, всесильной въ этихъ вещахъ. Французъ средняго зажиточнаго класса въ значительной степени консерваторъ и тѣмъ болѣе консерваторъ, что вообще не умѣетъ хорошо рассуждать. Ихъ отцы и они сами учились латыни, значитъ и ихъ сыновья должны ее изучать. Они, кромѣ того, убѣждены, что знаніе этого языка придаетъ ихъ дѣтямъ какое то благородство и вводитъ ихъ въ особый классъ общества.

Парламентское расслѣдованіе даетъ намъ разъясненія на этотъ счетъ; это одинъ изъ рѣдкихъ вопросовъ, при обсужденіи которыхъ передъ нами открылись мало кому извѣстные факты.

Мы были поражены, съ какимъ единодушіемъ отцы семействъ требовали, чтобы классическое образованіе оставалось въ полной силѣ. Только по отношенію къ греческому языку были нѣкоторыя исключенія и то очень рѣдкія. Но кромѣ этихъ частныхъ случаевъ, эти люди, находящіеся въ разныхъ условіяхъ и занимающіе разные положенія, всѣ высказались согласно и энергично за сохраненіе обученія древнимъ языкамъ. (Keller).

Основная причина, которая побуждала столько молодыхъ людей избирать такъ называемыя свободныя карьеры и искать классическаго образованія, кроется въ *тщеславіи*. Только изъ-за тщеславія многіе отцы семействъ упорно требовали до сихъ поръ для своихъ дѣтей (каковы бы ни были наклонности у нихъ) средняго классическаго образованія.

Нѣкоторая часть нашего французскаго средняго общества воображаетъ, что она унизитъ себя, если не заставитъ своихъ иногда ничѣмъ не выдающихся дѣтей обучаться греческому и латинскому языкамъ.

Если нѣмцы болѣе склонны, чѣмъ мы, къ экономической жизни при современныхъ условіяхъ, если они не такъ тщеславны, какъ мы, при выборѣ промышленной и коммерческой карьеры, то это происходитъ въ значительной мѣрѣ отъ того, что въ Германіи средній зажиточный классъ образовался недавно. Корни его сидятъ неглубоко среди того же люда—промышленниковъ, купцовъ и лавочниковъ.

Поэтому то у нихъ матери рѣже удерживаютъ при себѣ своихъ дѣтей, чѣмъ во французскихъ семьяхъ, гораздо рѣже побуждаютъ ихъ обучаться латинскому или греческому языку и искать спокойной дѣятельности и спокойнаго положенія. (Blondel, ancien professeur à la Faculté de droit de Lyon).

Я хотѣлъ бы сохранить латинскій языкъ: семьи держатся за него болѣе, чѣмъ можно думать, держатся настолько, что продолжаютъ называть современное образованіе *), не рѣшаюсь это высказать, „мѣщанскимъ образованіемъ“. Ходячее мнѣніе приписываетъ этому образованію характеръ какого-то упадка, какого-то умаленія и считаетъ, что было бы лучше его избѣгать для многихъ дѣтей, которые хотя и не созданы для серьезнаго изученія литературы, но которые, однако, заслуживали бы, чтобы ихъ не причисляли къ разряду лавочниковъ. Сами дѣти держатся за латынь, и причина тому чисто ребяческая, но оказывающая существенное вліяніе, когда они начинаютъ учиться: дѣвочки не учатся латыни. Для десятилѣтняго мальчика начать учиться латыни, это все равно, что первый разъ надѣть штаны. Онъ съ гордостью приходитъ изъ школы домой: его сестры не знаютъ, никогда не будутъ знать латыни; онъ учатся физикѣ, химіи, литературѣ; онъ по этимъ предметамъ будутъ знать столько же, сколько знаютъ ихъ братья и мужья, но онъ не училъ латыни, и мальчики чувствуютъ въ этомъ свое превосходство.

Если же хотѣть имѣть образованіе иное, чѣмъ полное классическое, которое привлекаетъ къ себѣ значительное большинство дѣтей во Франціи, нужно сохранить въ немъ латинскій языкъ. (Girodon, fondateur de l'Ecole Fénelon).

Приходится считаться съ предрасудками, столь могущественными и столь упорными во Франціи, и съ тщеславіемъ въ семьяхъ. Очень часто отдають дѣтей въ лицей или въ коллежи не вслѣдствіе разумнаго и обдуманнаго выбора, а изъ тщеславія и самолюбія; заботятся прежде всего, чтобы дѣти получили классическое образованіе. (Jasquemart, inspecteur de l'enseignement technique).

Въ Марсели въ 1861 или 1863 г. уже имѣлся пятилѣтній коммерческій курсъ, и тогда это была новость, обязанная своимъ появленіемъ гг. Фортюлю или Рулану. Несмотря на то, что обученіе вели превосходные учителя, курсъ этотъ никогда не процвѣталъ. Даже въ такомъ городѣ, какъ Марсель, самый незначительный изъ средняго класса обыватель, самый мелкій торговецъ, видя, что въ городѣ есть бакалавры, учившіеся латыни, хотѣлъ, чтобы и его сынъ былъ бы такимъ же бакалавромъ, какъ и сынъ самаго крупнаго купца. Если бы мы могли радикально излѣчить 38000000 французовъ отъ ихъ страсти къ всеобщему равенству, то, можетъ быть, мы и достигли бы чего нибудь въ указанномъ направленіи. (Brunetière, maître de conférences à l'Ecole Normale supérieure).

Надъ этимъ вопросомъ тяготеетъ какая то общая болѣзнь въ нашихъ зажиточныхъ классахъ, благодаря которой онъ не можетъ получить благопріятнаго рѣшенія. Эти классы имѣютъ роковую и застарѣлую наклонность, которая переживаетъ всѣ режимы, желать быстро отдѣ-

*) Т. е. въ которомъ древніе языки замѣнены новыми. *Перев.*

лится отъ народа и устроить для самихъ себя кастовое образованіе. Если хорошенько надъ этимъ пораздумать, то наше среднее образованіе именно и есть это кастовое воспитаніе. Въ томъ видѣ, въ какомъ мы представляемъ себѣ это воспитаніе теперь, оно не является дополненіемъ начальнаго обученія и не составляетъ его развитія по отношенію къ какимъ либо выбраннымъ предметамъ, оно—вещь другая, это есть образованіе, стоящее рядомъ съ предыдущимъ, не составляющее его продолженія и создающее такое положеніе вещей, что съ одной стороны имѣется образованіе для народа, а съ другой — образованіе для богатыхъ, къ которымъ присоединяются и верхи народа, не идущіе въ счетъ потому, что они воспринимають и всё дурныя и всё хорошія качества богатыхъ классовъ. (Henri Béranger, publiciste).

Семейный предразсудокъ раздѣляется, впрочемъ, крупными административными учрежденіями. Г. Гоблэ привелъ въ парламентской комиссіи весьма забавное доказательство по этому поводу:

Со введеніемъ современнаго образованія *) мы, для привлеченія къ нему семей, установили для бакалавровъ доступъ въ нѣкоторыя высшія школы и въ нѣкоторыя правительственныя учрежденія. Вспоминается мнѣ по этому поводу, что если я легко получилъ согласіе со стороны военнаго и морского министерствъ на доступъ бакалавровъ, закончившихъ современное образованіе, въ школы Политехническую, Сент-Сирскую и Морскую, то я не могъ добиться согласія отъ нѣкоторыхъ учреждений министерства финансовъ, какъ, напр., отъ учрежденія по записи и сбору прямыхъ налоговъ; почтенные представители этихъ учреждений стояли на томъ, что одною изъ главныхъ обязанностей ихъ чиновниковъ является умѣніе составлять донесенія, и что для этого необходимо знаніе греческаго и латинскаго языковъ. (René Goblet, ancien Ministre de l'Instruction publique).

Совершенно непонятно, какое вліяніе могли бы оказать нѣкоторыя знанія изъ греко-латыни на рапорты, которые пишутся скромными чиновниками, но очень хорошо понятно, и это подтверждаетъ то, что я хотѣлъ доказать, что серьезныя реформы положительно невозможны при такихъ упорныхъ предразсудкахъ.

Сила латыни, какъ видно, сидитъ въ престижѣ, дѣйствующемъ на толпу простаковъ; изъ нихъ много такихъ, которые, впрочемъ, никогда не запомнили ни одного слова. Лавочники относятся съ высокимъ почтеніемъ къ этому языку и безусловно хотятъ, чтобы ихъ сыновья знали его. Именно въ торговыхъ городскихъ палатахъ и находится больше всего защитниковъ классическаго образованія. Этотъ фактъ поразилъ предсѣдателя парламентской комиссіи, и онъ нашелъ нужнымъ занести это въ свое донесеніе.

*) См. выписку, стр. 116. *Перев.*

Нужно отмѣтить тотъ фактъ, что классическое образованіе, кромѣ своихъ приверженцевъ изъ университетской среды, имѣетъ повсюду убѣжденных защитниковъ. Торговые палаты большихъ городовъ энергично высказались въ его пользу. (Ribot).

3. Обученіе греческому и латинскому языкамъ при существующихъ предразсудкахъ.

Согласовать предразсудки родителей съ необходимостью замѣнить въ обученіи греческій и латинскій языки полезными вещами, — задача, кажется, трудная. Она, однако, не неразрѣшима. Для латинскихъ народовъ форма всегда гораздо болѣе увлекательна, чѣмъ сущность. Достаточно сохранить внѣшность, чтобы успокоить общественное мнѣніе. Сохранимъ же для формы греко-латынь въ уваженіе къ предразсудкамъ, но измѣнимъ скрывающуюся за этой формой сущность. Сохранимъ названіе вещи и уничтожимъ почти совсѣмъ самую вещь. Посвятивъ 1 часъ въ недѣлю на обученіе греко-латыни, можно было бы примирить противоположные и, какъ кажутся они съ виду, неустрашимые интересы, о которыхъ я только что говорилъ.

И не слѣдовало бы предполагать, что при этомъ одномъ часѣ въ недѣлю ученики будутъ знать греко-латынь меньше, чѣмъ теперь. При разумномъ обученіи они, напротивъ того, будутъ больше знать, чѣмъ знаютъ воспитанники теперь, и даже больше, чѣмъ самый знающій изъ бакалавровъ шесть мѣсяцевъ спустя послѣ своего экзамена.

Вмѣсто того, чтобы тратить этотъ часъ въ недѣлю на объясненія смѣшныхъ грамматическихъ хитростей, какъ это дѣлается теперь для того, чтобы они немедленно были забыты, мы посвятимъ этотъ часъ на изученіе наиболѣе ходячихъ латинскихъ цитатъ, нѣкоторыхъ греческихъ корней и на чтеніе подстрочныхъ переводовъ нѣкоторыхъ наиболѣе легкихъ авторовъ. Мы, такимъ образомъ, съэкономимъ огромное число часовъ, которое можетъ быть посвящено на изученіе множества полезныхъ вещей: живыхъ языковъ, наукъ, рисованія и т. д.

Изъ огромнаго числа получившихся такимъ образомъ часовъ нѣкоторые могутъ быть использованы на чтеніе во французскомъ переводѣ главнѣйшихъ греческихъ и латинскихъ авторовъ, изъ сочиненій которыхъ въ настоящее время послѣ

7 или 8 лѣтъ обученія греко-латыни ученики перевели съ трудомъ лишь кое-какіе отрывки.

Несмотря на то, что это обученіе могло бы казаться поверхностнымъ, я убѣжденъ, что воспитанники при такомъ обученіи знали бы гораздо лучше греко-латинскую древность, чѣмъ нынѣшніе бакалавры.

Изученіе древности посредствомъ чтенія переводовъ ¹⁾ имѣло бы еще ту выгоду, что заинтересовало бы учениковъ. Въмѣсто того, чтобы съ отвращеніемъ относиться къ Гомеру и Вергилію, они читали бы ихъ съ интересомъ, такъ какъ *Иліада* и *Энеида* суть настоящіе романы. Что такъ отвращаетъ учениковъ отъ этихъ книгъ, такъ это та скука, какую они испытываютъ при переводѣ отрывковъ, обращаясь чуть не за каждымъ словомъ къ словарю.

Старайтесь заинтересовать воспитанниковъ, заинтересуйте ихъ во что бы то ни стало: это, какъ я уже сказалъ, именно та скука, которую не сумѣли предотвратить при обученіи греко-латыни, и которая составляетъ въ значительной мѣрѣ причину упадка этого обученія. Обученіе греко-латыни само себя убило. Если такъ будетъ продолжаться, то самоубійство будетъ полное; греко-латынь погибнетъ отъ утраты довѣрія къ себѣ со стороны общества, воспитанниковъ и даже со стороны нѣкотораго числа учителей. (Belot, professeur de philosophie au lycée Louis-le-Grand).

Что касается изученія главнѣйшихъ латинскихъ цитатъ, для чего существуетъ нѣсколько сборниковъ, и нѣкоторыхъ греческихъ и латинскихъ корней, то это изученіе есть единственное средство сохранить греко-латынь и извлечь изъ нея хотя нѣкоторую пользу не только въ этимологическомъ отношеніи, но главнымъ образомъ въ томъ, чтобы не казаться невѣждами въ тѣхъ вещахъ, какія знаютъ наши образованные современники.

Что можетъ быть легче для молодой памяти нашихъ учениковъ, какъ запомнить нѣкоторое число латинскихъ и греческихъ корней? Я убѣдился, что мои ученики съ большой охотой относятся къ этимъ упражненіямъ. Я выдаю имъ на руки словарь, заключающій въ себѣ 200 словъ или коренныя греческія и латинскія слова, въ родѣ нашей старинной школьной книги — *Jardin des racines grecques* ²⁾; они заучиваютъ ихъ безъ затрудненій маленькими дозами, и это вполне достаточно для ихъ настоящихъ и будущихъ потребностей. (Maldidier).

¹⁾ Имѣются превосходные переводы по 25 сант. томикъ. Вся библіотека древнихъ авторовъ, вполне достаточная, обошлась бы около 10 франк.

²⁾ *Lancelot* (1657 г.) собралъ греческіе корни; *Maistre de Sacy* (1684 г.) расположилъ ихъ въ этой книгѣ въ формѣ легко запоминаемаго стиха *Перев.*

Я былъ чрезвычайно счастливъ, что одинъ достойнѣйшій изъ педагоговъ нашего Университета г. Торо Бейль *) (Toussaint Beyle) пришелъ почти къ тому же заключенію, что и я, относительно числа часовъ, какое нужно посвящать изученію греко-латыни. Онъ также предлагаетъ обучать древнимъ языкамъ только въ теченіе одного часа въ недѣлю подъ видомъ дополнительныхъ занятій. Такое же почти время удѣлено теперь фехтованію и танцамъ.

Убѣжденный сторонникъ обученія греко-латыни, г. Аното, пришелъ другимъ путемъ къ подобному же заключенію. Въ одной статьѣ, напечатанной въ *Journal*, въ пользу обученія латинскому языку онъ выражаетъ желаніе, чтобы всякій образованный французъ могъ понимать *Epitome historiae graecae* и *Selectae*. Я не вижу въ этомъ никакой пользы, но не нахожу также никакого неудобства въ виду того, что это желаніе чрезвычайно легко выполнить. На чтеніе этихъ сочиненій при тѣхъ пріемахъ, какіе я укажу въ другой главѣ, не потребуется даже для послѣдняго ученика начальной школы болѣе одного мѣсяца работы.

Рискуя показаться парадоксальнымъ, добавлю къ этому, что было бы очень выгодно въ психологическомъ отношеніи ввести греко-латынь въ указанной мною дозѣ—около одного часа въ недѣлю — въ начальное обученіе. Это было бы единственное средство уничтожить таинственный престижъ этихъ двухъ языковъ, какимъ они еще пользуются теперь въ среднихъ зажиточныхъ классахъ общества. Какъ только убѣдятся, что молодые каменщики или ученики сапожники могутъ при случаѣ смѣло цитировать съ дюжину латинскихъ изреченій, никто не будетъ воображать болѣе, что знаніе нѣкоторыхъ словъ изъ этого языка создаетъ какое-то благородство. Престижъ его тогда быстро разлетится въ прахъ. Это выйдетъ, какъ будто большинство рабочихъ получаетъ академическія пальмы въ награду за такія свои заслуги. Такъ называемые правящіе классы скоро отказались бы отъ мертвыхъ языковъ.

Я, конечно, не воображаю, чтобы такія простыя измѣ-

*) *Revue politique et parlementaire*, 10 мая 1890 г.

ненія имѣли хотя маленькій шансъ когда-нибудь осуществиться во Франціи. Насъ только и соблазняютъ крупныя реформы, навязанныя указами свыше. Онѣ, впрочемъ, не имѣютъ другихъ результатовъ, какъ только производить кажущіеся перевороты, при которыхъ невозможно никакое развитіе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Бакалаврство и свидѣтельство о прохожденіи наукъ.

1. Преобразование бакалаврства. Зло, приписываемое ему. Проект реформы, предложенный Сенату. Послѣ того, какъ уничтожили бакалаврскій дипломъ, предлагаютъ тотчасъ же замѣнить его другимъ, отличающимся отъ него только названіемъ. Нависность реформы. Такъ называемые переходные экзамены и ихъ послѣдствія. Бакалаврство является слѣдствіемъ, а не причиной.

2. Мнѣніе представителей Университета о бакалаврствѣ. Рѣзкіе нападки на бакалаврство со стороны самыхъ выдающихся представителей нашего Университета. Экзаменъ на степень бакалавра. Безсмысленность предлагаемыхъ на экзаменъ вопросовъ. Только отъ случая зависитъ исходъ экзамена. Принципы, которыми руководствуются экзаменаторы. Строгія заключенія предсѣдателя парламентской комиссіи.

1. Преобразование бакалаврства.

Представители нашихъ правительственныхъ школъ, признавшіе передъ лицомъ парламентской комиссіи гибельные результаты классическаго обученія, естественно задали себѣ вопросъ, какъ помочь горю.

При той ужъ черезчуръ простой логикѣ, какая такъ распространена у латинскихъ народовъ, эти педагоги быстро открыли секретъ зла и нашли козла отпущенія. Виновата бакалаврская степень! И съ энергіей къ радикальнымъ измѣненіямъ, какая неизбѣжно является плодомъ упрощенныхъ разсужденій, они тотчасъ же объявили и средство для искорененія зла. Стоитъ только упразднить бакалаврскую степень, какъ очевидную причину всѣхъ золъ. Не теряя времени, внесли въ Сенатъ проектъ соотвѣтствующаго закона.

Упразднить—это, само собою разумѣется, есть извѣстная

манера выражаться. Латинскій умъ всегда готовъ безъ колебаній требовать радикальныхъ реформъ, но такъ какъ онъ по наслѣдству надѣленъ чрезвычайно упорнымъ консерватизмомъ, то, для примиренія этихъ двухъ противоположныхъ наклонностей, онъ довольствуется простою перемѣною словъ, не затрогивая сущности вещей.

Несчастливая бакалаврская степень даетъ любопытный примѣръ такого особаго умственного склада. Предложивъ упразднить ее, тотчасъ же—и это въ томъ же проектѣ закона—предлагають возстановить ее подъ другимъ названіемъ. Она не будетъ больше называться «степенью бакалавра» или «бакалаврствомъ», она будетъ именоваться «свидѣтельствомъ о прохожденіи наукъ» (*certificat d'études*) въ подражаніе тому, какъ это принято въ Германіи, и, такимъ образомъ, наше классическое образованіе, очевидно, будетъ такое же, какое у нѣмцевъ. Какъ видите, ничего не можетъ быть проще.

Особенно замѣчательно и достойно вниманія психологовъ то, что никто не догадался или, по крайней мѣрѣ, не высказалъ, что замѣна на бумажныхъ дипломахъ слова «бакалаврство» словами «свидѣтельство о прохожденіи наукъ» никоимъ образомъ не можетъ измѣнить методовъ, благодаря которымъ наше обученіе стоитъ ниже, чѣмъ у большинства народовъ. Конечно, предупреждаютъ насъ, что этой новой бакалаврской степени, именуемой «свидѣтельствомъ о прохожденіи наукъ», будутъ предшествовать семь или восемь особыхъ бакалаврскихъ степеней, которыя воспитанникъ долженъ пріобрѣтать въ концѣ каждаго учебнаго года посредствомъ такъ называемыхъ переходныхъ экзаменовъ. Я уже указалъ наивность такого проекта реформы. Если результаты на переходныхъ экзаменахъ были тѣ же, что и теперь при окончательномъ испытаніи на степень бакалавра (и почему они могли бы быть другими), то прошла бы благополучно только половина всего числа учениковъ. Лицеи, такимъ образомъ, потеряли бы сразу половину своихъ воспитанниковъ, и ихъ бюджетъ, представляющій и безъ того огромные недочеты, сдѣлался бы настолько обременительнымъ для казны, что учителя скоро пришли бы къ необходимости пропускать всѣхъ кандидатовъ.

А тогда порядокъ вещей сталъ бы опять въ точности такимъ же, какой существуетъ и теперь.

Мы далеки, впрочемъ, отъ мысли, что предпринятая противъ бакалаврства кампанія была бесполезна. Она содѣйствовала выясненію для менѣе проницательныхъ умовъ, чего стоитъ наше классическое обученіе, и вотъ почему мы считали небылоугодно посвятить этому вопросу цѣлую главу. Именно экзамены на бакалаврскую степень показали съ очевидностью ничтожность результатовъ классическаго образованія.

Эта столь осуждаемая бакалаврская степень является, въ сущности, слѣдствіемъ, а никакъ не причиной. Сохранить или упразднить его, или дать ему другое имя — все это никакъ не можетъ измѣнить методовъ обученія въ правительственныхъ школахъ. Если его замѣняютъ свидѣтельствомъ, которое выдается на основаніи экзаменовъ, производящихся въ стѣнахъ лицея, то это даетъ одну лишь выгоду: избавляетъ учителей отъ публичнаго оглашенія невѣжества ихъ воспитанниковъ.

2. Мнѣніе представителей Университета о бакалаврствѣ.

Несмотря на всю очевидность, что бакалаврская степень совсѣмъ не повинна въ настоящемъ состояніи нашего классическаго образованія, кампанія противъ нея велась самая упорная, и неистовство особенно проявилось у самихъ создателей современныхъ программъ, какъ, напр., у г. Лависса. Не желая обвинить свои методы и свои программы, что было бы равносильно обвиненію самихъ себя, университетскіе педагоги уцѣпились за бакалаврскую степень и осыпали ее безпощадною бранью. Г. Лависсъ назвалъ бакалаврство «злѣдѣмъ»:

Я убѣжденный врагъ бакалаврства, котораго, простите мнѣ рѣзкое слово, я считаю за злѣдѣя.

Вѣрно ли то, что именно бакалаврскій дипломъ заслуживаетъ такого строгаго приговора? Я въ этомъ нѣсколько сомнѣваюсь.

Тотъ же г. Лависсъ на одной публичной лекціи далъ

разъясненіе по поводу происхожденія программъ, служащихъ въ настоящее время для подготовки на степень бакалавра:

Правила и учебныя программы для бакалаврскихъ экзаменовъ были редактированы въ Парижѣ людьми, весьма компетентными и весьма обстоятельными, слишкомъ компетентными и слишкомъ обстоятельными: я одинъ изъ нихъ. Мы въ нашей работѣ исходили изъ укоренившихся возрѣній, которыя могли и устарѣть, какъ устарѣли и мы, сами того не замѣчая. Эту программу мы, правда, довольно часто измѣняемъ; это доказываетъ, что мы никогда не бываемъ вполне довольны, и эта забота служить для насъ смягчающимъ обстоятельствомъ. Но при всѣхъ измѣненіяхъ мы держимся слѣдующихъ опредѣленныхъ принциповъ: воспитаніе, сформировавшее такихъ людей, какъ мы, есть, очевидно, лучшее изъ всѣхъ, и то, что оно намъ дало, мы должны передать будущему поколѣнію; нужно, чтобы каждый ученикъ въ каждый данный моментъ зналъ все: греческій языкъ, латынь, языки французскій и одинъ изъ иностранныхъ, исторію, географію, философію, математику, физику, химію, естественную исторію, астрономію, однимъ словомъ, все и еще нѣкоторыя другія вещи.

Словомъ, считаютъ, что воспитанникъ долженъ знать наизусть энциклопедію Ларусса. Но онъ можетъ удержать въ памяти только незначительную ея часть, и потому результатъ экзамена является для него только случайностью. Именно это очень хорошо выяснилъ намъ г. Лависсъ. Послѣ утвержденія, что существующій порядокъ бакалаврскаго экзамена «возмутителенъ», онъ добавляетъ:

Хотя я и могу утвердительно сказать, что экзаменаторы вообще привыкли къ такой широкой снисходительности, что получить степень бакалавра почти ничего не стоитъ,—достовѣрно то, что какъ на устныхъ, такъ и на письменныхъ экзаменахъ, одни ставятъ болѣе высокія отмѣтки, другіе—болѣе низкія, кандидатъ можетъ срѣзаться въ залѣ А, а могъ бы выдержать экзаменъ въ залѣ В. Переходъ изъ залы въ залу приводитъ къ такому различію результатовъ.

Тѣ, кто давалъ въ парламентской комиссіи свои показанія, не выказали, впрочемъ, особенно большой снисходительности, хотя они и не участвовали въ изготовленіи программъ. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ ихъ показаній:

Крупное явленіе, которое я замѣчаю на бакалаврскомъ экзаменѣ: онъ опредѣляетъ не максимумъ усилій ученика, а совсѣмъ наоборотъ, случайный минимумъ, достаточный для отвѣта на два или на три опредѣленныхъ билета, вытягиваемыхъ, какъ въ лотереѣ.

Роль случая здѣсь чрезмѣрно велика. (R. Poincaré).

Само собою разумѣется, воспитанники знаютъ, въ чемъ тутъ дѣло, и прибѣгаютъ ко всѣмъ средствамъ, какими можно обез-

печить себѣ удачу. Пускаютъ въ ходъ рекомендаціи вліятельныхъ лицъ, не говоря уже о случаяхъ обмана.

Долженъ ли я, наконецъ, прибавить, что слишкомъ много кандидатовъ прибѣгаетъ къ обману? Конечно, экзаменъ въ томъ видѣ, какъ онъ практикуется, производить развращающее дѣйствіе. (Lavisse).

Что особенно заучиваютъ воспитанники, такъ это отвѣты, которые нравятся профессору. Передъ однимъ экзаменаторомъ надо увѣрять, что Маратъ былъ великій человѣкъ, а передъ другимъ заявить, что онъ былъ не болѣе, какъ гнусный негодяй. Всякая ошибка насчетъ мнѣнія — гибельна для кандидата.

Есть кандидаты, которые изучаютъ болѣе всего экзаменаторовъ, замѣчаютъ вопросы, какіе предлагаются изъ года въ годъ тѣмъ или другимъ изъ нихъ, и готовятся только по этимъ вопросамъ.

Одинъ факультетскій профессоръ всегда хотѣлъ, чтобы ему отвѣчали о пяти періодахъ генія Корнеля; воспитанники знали его маленькую слабость и съ помощью своихъ учителей заучивали пять періодовъ генія Корнеля. Случилось разъ, что за отсутствіемъ этого профессора вмѣсто него былъ его замѣститель. Бѣдный кандидатъ, полагая, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ о пяти періодахъ, отвѣчалъ на вопросъ о Корнелѣ: „различаютъ пять періодовъ“, но экзаменаторъ его остановилъ: „вы ошибаетесь, я не господинъ Х...“ (Pasquier).

Вопросы, задаваемые профессорами, бываютъ иногда невѣроятные и указываютъ на разстроенное состояніе ихъ духа.

Кажется, что они главнымъ образомъ озабочены не тѣмъ, чтобы опредѣлить знанія учениковъ, а чтобы побольше ихъ затруднить. Вотъ нѣкоторые изъ вопросовъ, предложенные на разныхъ факультетахъ и доложенные въ парламентской комиссіи:

Какія во Франціи земли пригодны для культуры спаржи?

Какими цѣлебными свойствами обладаютъ минеральные источники во Франціи?

Можете ли вы сказать, какія были сдѣланы реформы баварскимъ курфюрстомъ въ XVIII вѣкѣ? (Malet, professeur au lycée Voltaire).

Найдется ли много членовъ Института, кромѣ нѣкоторыхъ специалистовъ, которые были бы способны отвѣтить на эти вопросы?

Единственно, чѣмъ руководствуются въ дѣйствительности экзаменаторы, такъ это тѣмъ, чтобы число провалившихся и число выдержавшихъ экзаменъ не отличались рѣзко отъ обычной постоянной средней нормы. Какъ показываютъ представленные г. Бюиссономъ въ парламентскую комиссію ста-

тистическія данныя, экзаменаторы старательно наблюдаютъ, чтобы число выдержавшихъ испытаніе составляло 50%. Правильность, съ какою повторяется эта цифра изъ года въ годъ, указываетъ на это стараніе. Экзамены могли бы происходить быстрѣе, и результаты ихъ были бы совершенно такіе же, если бы отборъ кандидатовъ производился просто по вынужденному жребію: чётъ или нечётъ.

Несмотря на то, что въ приѣмѣ кандидатовъ рѣшающую роль играетъ случай, экзаменаторы всегда жалуются на недостаточную ихъ подготовку. По ихъ мнѣнію, кандидаты въ огромномъ большинствѣ — жалкія тупицы. Вотъ нѣкоторыя изъ сѣтованій, высказанныхъ въ парламентской комиссіи:

Экзаменаторы на бакалаврскихъ испытаніяхъ, профессора юридическихъ факультетовъ постоянно жалуются на удивительное невѣжество молодыхъ людей.

Въ одномъ докладѣ, недавно представленномъ въ юридическій факультетъ въ Греноблѣ и принятомъ имъ единодушно, сказано, что если чему и слѣдовало бы учить студентовъ-юристовъ, такъ это—языкамъ французскому и латинскому, исторіи и философіи, и что, судя по большинству изъ этихъ молодыхъ людей, нужно думать, что слѣдовало бы совершенно измѣнить обученіе въ среднихъ школахъ. (Bernès, professeur au lycée Lakanal).

Большинство кандидатовъ на степень бакалавра имѣетъ немного ясныхъ понятій. Если бы на экзаменахъ не было снисходительности, подчасъ чрезмѣрной, большинство молодыхъ людей не получило бы своихъ дипломовъ бакалавра. Вотъ истина объ энциклопедическомъ бакалаврскомъ экзаменѣ. (Grandeau, représentant de la Société nationale d'encouragement à l'agriculture).

Бакалаврство будетъ всегда представлять собою отвратительный „психометръ“: онъ способенъ измѣрять не умъ, а память, не степень приобритеннаго умственного развитія, а количество набранныхъ свѣдѣній. Онъ больше способенъ измѣрять количества, чѣмъ оцѣнивать качества. (Bertrand, ancien professeur à l'Ecole Polytechnique).

Чѣмъ болѣе усложняется и расширяется бакалаврство, тѣмъ посредственнѣе выходятъ бакалавры, и тѣмъ болѣе приходится намъ проявлять къ нимъ въ широкихъ размѣрахъ и снисходительность, и жалость. (Gebhart, professeur à la Sorbonne)¹⁾.

Я не вполне увѣренъ, чтобы ученики, а не учителя нуждались въ снисходительности и въ жалости, но они этого не особенно заслуживаютъ потому, что оказались столь неспособными понять, до какой степени бессмысленна перегрузка программъ. Да, безъ сомнѣнія, чѣмъ болѣе нагромождаютъ программы, тѣмъ бакалавры будутъ болѣе посредственны, и по истинѣ удивительно, что такая простая вещь кажется непонятною для педагоговъ правительственной

¹⁾ Le Baccalauréat et les études classiques.

школы. Вы постоянно расширяете энциклопедію, которую несчастные кандидаты должны удерживать въ своихъ головахъ, а они только и могутъ изъ нея удержать какіе-то неопредѣленные отрывки. Вполнѣ ли вы увѣрены, что внѣ вашей специальности ваше невѣжество не будетъ столь же полное, а можетъ быть даже и значительно большее, чѣмъ невѣжество кандидатовъ? Спросите себя, поразмыслите, можетъ быть вы поступите, какъ г. Лависсъ, который, убѣдясь въ своихъ заблужденіяхъ, хочетъ теперь разбить идола, передъ которымъ онъ такъ долго почтительно преклонялся. Воспитанники современныхъ правительственныхъ школъ таковы, какими ихъ сдѣлали ихъ учителя.

Что еще долго будетъ составлять силу бакалаврства, такъ это—престижъ, какимъ оно пользуется въ глазахъ семей. Онѣ его считаютъ чѣмъ то въ родѣ благороднаго званія, которое отдѣляетъ ихъ сыновей отъ престонародной черни. Предсѣдатель парламентской комиссіи г. Рибо отмѣтилъ это въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Бакалаврство въ такомъ пониманіи есть одно изъ достоинствъ, опредѣляющихъ *) мѣсто, какое должны занимать бакалавры на торжественныхъ выходахъ и въ церемоніяхъ. Оно уже не служитъ гарантіей хорошаго ученія, оно обратилось въ какое-то общественное учрежденіе, въ какое-то искусственное средство для раздѣленія націи на двѣ касты, изъ которыхъ одна можетъ разсчитывать на всякія мѣста въ правительственныхъ административныхъ учрежденіяхъ, а другая должна состоять изъ землевладѣльцевъ, промышленниковъ, купцовъ и всѣхъ тѣхъ, кто живетъ своимъ личнымъ трудомъ, который даетъ жить и странѣ.

*) Décret de messidor.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Вопросы о современномъ образованіи и профессиональномъ обученіи.

1. Современное образованіе. Его исторія. Почему, несмотря на превосходныя программы, результаты получились плачевныя. Противодѣйствіе со стороны Университета. Мнѣніе министра народнаго просвѣщенія относительно участи неудачниковъ, созданныхъ Университетомъ, и относительно неспособности этого послѣдняго готовить молодыхъ людей къ экономической и дѣятельной жизни.

2. Профессиональное обученіе. Во Франціи оно придерживается университетскихъ методовъ, т. е. ведется исключительно по рисункамъ и учебникамъ. Предразсудки правящихъ классовъ. Современная мировая экономическая эволюція совершенно ускользаетъ отъ нихъ. Важность технического образованія. Полная несостоятельность профессиональнаго обученія во Франціи и развитіе его въ Германіи. Плачевное состояніе нашего промышленнаго и сельскохозяйственнаго обученія. Выдержки изъ докладовъ. Главнымъ образомъ предразсудки въ общественномъ мнѣніи препятствуютъ эволюціи латинскихъ обществъ и заставляютъ ихъ продвигать безразсудные скачки, которые, чаще всего, отодвигаютъ ихъ назадъ. Тираниа мертвыхъ.

1. Современное образованіе.

Исторія такъ называемаго современнаго образованія представляетъ поразительный примѣръ невозможности осуществить самыя простыя, самыя насущныя реформы, когда имъ приходится бороться съ условіями нравственнаго порядка—общественнымъ мнѣніемъ, предразсудками и т. д., о которыхъ говоритъ каждая страница этой книги.

Одинъ предприимчивый министръ, Л. Буржуа, мечталъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ самолично и безъ шума преобразовать наше отвратительное классическое образованіе. Благодаря настойчивости, ему удалось установить наряду съ классическимъ обученіемъ такъ называемое современное обученіе, заканчивающееся особою степенью бакалавра. Греко-латынь была замѣнена живыми языками и науками.

Программы для этого обученія были превосходны, реформа въ теоріи была прекрасна. Результаты получились плачевные.

Они были плачевны потому, что всѣ правительственныя школы (de toute l'Université) выказали тупое сопротивленіе этой реформѣ. Такъ называемое современное обученіе отвѣчало неоспоримымъ потребностямъ, а между тѣмъ оно прозябало жалкимъ образомъ. Читая нѣкоторыя выдержки изъ докладовъ, сдѣланныхъ въ парламентской комиссіи, мы найдемъ подтвержденіе этому. Покажемъ сперва цѣль этого образованія, какъ ее опредѣлили бывшій министръ Бертело:

Современное образованіе, если бы оно велось, какъ слѣдуетъ, должно бы быть, главнымъ образомъ, построено на изученіи французскаго языка, современныхъ языковъ и наукъ и должно было бы съ успѣхомъ готовить къ дѣятельности, которая давала бы гражданамъ возможность жить и служить своей родинѣ независимымъ образомъ.

Конечно, эта программа была превосходна; посмотримъ, какую пользу извлекъ изъ нея Университетъ.

Вмѣсто того, чтобы ограничиться уничтоженіемъ недостатковъ классическаго обученія, создали наряду съ нимъ и по его образцу новое обученіе, нѣчто въ родѣ поддѣлки, какое то воспроизведеніе низшаго сорта, какой-то Одеонъ рядомъ съ Театромъ Французской Комедіи.

Это нововведеніе ничего не обновило, ничего не измѣнило. Оно выказало намъ тѣ же недостатки, какіе имѣются и у стараго обученія. Та же перегрузка программъ:—отмѣнили мертвые языки, но прибавили живые, ввели курсъ дѣйствующихъ законоположеній, политическую экономію и т. д., и т. д. ... Та же суровая классная система, заставляющая различныя умы развивать одинаковыя усилія; тѣ же недостаточныя результаты, та же фабрикація ничтожества. (Maneuvrier).

Современное среднее образованіе создано совсѣмъ недавно, всего 7 или 8 лѣтъ тому назадъ; пока еще трудно опредѣлить его результаты. Но уже теперь можно бояться, что результаты, которые насъ интересуютъ, не будутъ особенно лучше, чѣмъ при старомъ обученіи. Современное обученіе есть не что иное, какъ классическое, избавленное отъ греко-латыни и нѣсколько усиленное науками и живыми языками; это обученіе всетаки остается прежде всего теоретическимъ; все то, что въ его программахъ могло бы имѣть практическій характеръ, поставлено на второй планъ. (Jasquemart).

Вы встрѣтите противъ этого современнаго обученія цѣлый союзъ всѣхъ классиковъ. Я недавно читалъ въ одной книгѣ Ренана: „нѣтъ такихъ людей, которыхъ было бы труднѣе заставить измѣнить свои взгляды, какъ педагоги; они крѣпко держатся одной идеи, и нѣтъ возможности заставить ихъ отказаться отъ нея. У нихъ какая то враждебная предвзятость“.

Въ Казнѣ (Caen) есть выдающійся человѣкъ, г. Зефортъ, ректоръ академіи. Онъ высказался въ слѣдующихъ выраженіяхъ по поводу спеціальнаго образованія, которое предшествовало современному:

„За рѣдкими исключеніями, ректоры, инспекторы академій *), ди-

*) Т. е. учебнаго округа. Перев.

ректора лицеевъ и коллегей видѣли въ новомъ обученіи только нѣчто навязанное, пристегнутое безъ всякой пользы, и допускали его скорѣе съ досадою, чѣмъ принимали искренно. Учителя также не поддерживали министра-реформатора; положеніе учителей на специальныхъ курсахъ, нѣсколько улучшенное матеріально, продолжало ухудшаться въ моральномъ отношеніи, было ниже положенія учителей классическихъ школъ. Когда этихъ послѣднихъ, для пополненія обязательнаго для нихъ числа уроковъ, посылали въ классы специальныхъ курсовъ, то они настолько неохотно исполняли свои обязанности, что присутствіе ихъ тамъ скорѣе было вредно, чѣмъ полезно; на эти обязанности они смотрѣли, какъ на самую унижительную повинность“.

То же самое происходитъ въ настоящее время съ современнымъ образованіемъ. Противъ него ведутъ такую же войну. Стараются лишить его всякой возможности конкурировать.

Хотѣли сдѣлать опытъ честно, а вышелъ онъ самый вѣроломный. (Houyvet).

Къ противодѣйствію Университета присоединились и родители.

Реформа нашего среднего образованія будетъ дѣйствительна только тогда, когда она будетъ согласована съ общественнымъ мнѣніемъ и съ воззрѣніями, господствующими въ нашихъ французскихъ семьяхъ.

Наши французскія семьи какъ то смутно чувствуютъ необходимость какой-то реформы въ воспитаніи, но они недостаточно понимаютъ, что имъ нужно предпринять, чтобы помочь дѣлу.

Большинство родителей настойчиво домогается для своихъ сыновей спокойныхъ мѣстъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ: въ судахъ, въ арміи, въ разныхъ правленіяхъ... гдѣ легче всего можно избѣгнуть заботъ и огорченій.

Они не заботятся сдѣлать своихъ дѣтей способными смѣло, въ силу своихъ личныхъ достоинствъ, идти на борьбу за существованіе, не заботятся развивать въ нихъ чувства отвѣтственности.

Вотъ почему наши молодые люди въ настоящее время поддерживаются гораздо менѣе собственной волею, чѣмъ рамками, въ которыя они поставлены. А эти рамки не тѣ, какія соотвѣтствовали бы нашему демократическому обществу.

Родители главнымъ образомъ заботятся, насколько могутъ, удерживать дѣтей въ этой обстановкѣ и избавить ихъ отъ необходимости бороться за существованіе. Ихъ не поощряютъ къ труду.

Именно родителямъ я и приписываю въ значительной мѣрѣ ошибки, замѣчаемыя въ настоящее время въ нашемъ обученіи; именно съ этой стороны и были бы необходимы большія измѣненія; родителямъ слѣдуетъ вдолбить идею, что нужно внушать дѣтямъ больше рвенія къ труду и побуждать ихъ къ путешествію за границей по окончаніи курса. Я самъ совѣтовалъ нѣкоторымъ молодымъ людямъ провести извѣстное время за границей; я былъ опечаленъ, видя ту малую пользу, какую они изъ того извлекли. Едва успѣвали они куда-нибудь пріѣхать, какъ родители торопили ихъ вернуться, или же они выискивали молодыхъ людей, съ которыми могли бы говорить по-французски. (Blondel).

Плачевная исторія опыта современнаго образованія во Франціи есть одно изъ лучшихъ доказательствъ правильности нѣкоторыхъ, указанныхъ въ этомъ трудѣ, основныхъ положеній и особенно слѣдующихъ: указами закона нельзя передѣлать предрасудки, и программы сами по себѣ ничего не стоятъ. Нѣтъ дурныхъ программъ у хорошихъ учителей и

не могло бы быть хороших программ при учителях, не умѣющихъ учить.

Не будемъ считать такія истины общеизвѣстными: Университетъ еще ихъ не усвоилъ, и составители разныхъ проектовъ реформъ не болѣе его поняли ихъ.

Переходъ къ научному методу обученія, на который мы не можемъ рѣшиться, нѣмцы совершили уже давно и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе рѣшительно идутъ въ этомъ направленіи.

Я только что узналъ изъ одной нѣмецкой газеты самыя свѣжія статистическія данныя о гимназіяхъ и реальныхъ школахъ въ Пруссіи. Въ 1882 г. 12000 воспитанниковъ получали образованіе безъ латыни, а 120000 обучались и греко-латыни. Въ настоящее время, благодаря ряду реформъ, появилось много школъ промежуточнаго типа, весьма различныхъ между собою, въ которыхъ обучаютъ латыни либо много, либо мало, либо совсѣмъ не обучаютъ; въ однихъ изъ нихъ обучаютъ и греческому языку, въ другихъ—нѣтъ. Соотношеніе между числомъ воспитанниковъ, получающихъ классическое или полуклассическое образованіе безъ греко-латыни, и получающихъ традиціонное классическое образованіе прежняго типа, выражается числами 65000 и 86000 изъ всѣхъ 150000 воспитанниковъ. (Buisson).

Въ Германіи, какъ мы сказали, имѣются спеціальныя школы для всякаго рода обученія: гимназіи, реальныя гимназіи, реальныя училища, техническія школы; ничего не перемѣшано, и всякій родъ обученія даетъ воспитаннику соотвѣтственныя права и открываетъ ему выходъ къ опредѣленной спеціальности. Въ этомъ и секретъ успѣха нѣмцевъ. Во Франціи, наоборотъ, хотятъ, чтобы всѣ карьеры были открыты для всѣхъ, наперекоръ различію въ образованіи и воспитаніи, а слѣд. наперекоръ и общей способности воспитанника. Карьеры, безъ сомнѣнія, должны быть доступны для всѣхъ, но при тѣхъ обязательныхъ для всѣхъ условіяхъ, чтобы и подготовка и природныя дарованія были достаточны для выбранной дѣятельности. Въмѣсто того, чтобы все перемѣшивать, все уравнивать, другія страны—Германія, Австрія, Англія, С. Штаты, Італія и т. д. дѣлаютъ во всемъ различіе, все распредѣляютъ въ извѣстномъ порядкѣ. (Fouillée).

Вся эта критика повторялась нѣсколько разъ въ палатѣ депутатовъ при обсужденіи реформы, которая привела къ такимъ посредственнымъ результатамъ. Г. Массэ выразился такъ:

Вопреки преобразованіямъ, сдѣланнымъ въ режимѣ лицеевъ и коллегій, вопреки измѣненіямъ, внесеннымъ въ наши программы, наше образованіе, среднее и высшее, будетъ по прежнему готовить только чиновниковъ, если вы не позволите, чтобы въ него глубже проникъ духъ начальнаго и профессиональнаго образованія.

Было бы больше людей, которые посвятили бы себя торговлѣ, промышленности, земледѣлію, колоніямъ, если бы ихъ первоначальное обученіе было направлено къ тому или другому роду дѣятельности. Они ищутъ казенныхъ мѣстъ, потому что иначе способности ихъ остались бы безъ примѣненія. А между тѣмъ эти мѣста уже переполнены, уже и такъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе растетъ такъ называемый интеллигентный пролетаріатъ, т. е. число такихъ людей, у

которыхъ образованіе развило вкусы, потребности, стремленія, какіе они рѣшительно не въ силахъ удовлетворить.

Если въ настоящее время среднее образованіе отвращаетъ отъ торговли, земледѣлія, промышленности, колоній, отъ всего, что составляетъ богатство народа, то среднее образованіе въ будущемъ должно преслѣдовать діаметрально противоположную цѣль; приемы этого образованія, его программы и учебные планы должны между собою различаться. Оно прежде всего должно задаться цѣлью—развивать одновременно какъ личность, такъ и духъ предпримчивости, энергію и волю.

Опасно, господа, направлять къ одной и той же цѣли дѣятельность и способности всего народа, тѣмъ болѣе, когда извѣстно, что эти способности и эта дѣятельность останутся, роковымъ образомъ, безъ примѣненія.

Пусть же наша система обученія и воспитанія сумѣетъ готовить республикѣ не легионъ праздныхъ, недовольныхъ людей и неудачниковъ, готовыхъ въ любой день обратиться противъ нея свои непримѣненные способности и помѣшать Франціи играть ея славную роль, которая должна принадлежать ей по праву.

Г. Лейгъ, министръ народнаго просвѣщенія, поддержалъ эти заключенія и очень хорошо выяснилъ послѣдствія обученія въ нашихъ правительственныхъ школахъ:

Трудъ рабочаго недостаточно вознаграждается во многихъ случаяхъ, это правда. Но насколько еще скуднѣе вознагражденіе и плачевнѣе положеніе тѣхъ, кто безъ средствъ занялся свободными профессіями и не имѣетъ ни кліентовъ, ни занятій, кто бродитъ въ жизни разочарованный, лишенный бодрости, убитый всѣми своими обманутыми надеждами и отчаяніемъ. Нѣтъ болѣе печальной участи, чѣмъ ихъ участь, болѣе мрачной нищеты, чѣмъ ихъ нищета; нѣтъ существъ, какія болѣе заслуживали бы состраданія.

Что станетъ съ этими неудачниками? Сообразно съ природными качествами ихъ души, они или впадаютъ въ рабство, или попадаютъ въ ряды бунтовщиковъ.

Вотъ, что нужно рѣшиться высказать, чтобы пріостановить безконечное бѣгство въ города, гдѣ пропадаетъ столько энергій и гибнетъ столько мужества для того, чтобы, подъ предлогомъ оказанія благъ демократіи, намъ пришлось видѣть то, что знаменуетъ ея конецъ: пустующія мастерскія и опустѣвшія поля.

Въ такой странѣ, какъ Франція, гдѣ ремесленное и дѣятельное населеніе (промышленники, купцы, земледѣльцы) составляетъ 48% отъ всего населенія, т. е. 18 милліоновъ изъ 38 милліоновъ жителей, гдѣ промышленный капиталъ достигаетъ 96 милліардовъ 700 милліоновъ франковъ, а земледѣльческой дошелъ до 78 милліардовъ франковъ, гдѣ вывозъ за границу въ 1900 г. составилъ 4 милліарда франковъ, въ такой странѣ правительственные школы не могутъ довольствоваться приготовленіемъ вѣрныхъ имъ молодыхъ людей къ свободнымъ профессіямъ, къ поступленію въ высшія школы и къ профессурѣ; онѣ должны также готовить юношество къ экономической и дѣятельной жизни.

Никто никогда не оспаривалъ правильности такихъ утвержденій, и, однако, можно сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ ихъ повторяютъ, они никого еще не переубѣдили.

2. Профессіональное обученіе.

Профессіональное обученіе во Франціи почти исключительно находится въ рукахъ лицъ, принадлежащихъ къ Университету, и потому ведется при посредствѣ ихъ же теоретическихъ пріемовъ. Основаніемъ этого обученія служить заучиваніе учебниковъ наизусть, а оттого естественно получаются совершенно такіе же ничтожные результаты, какъ и при классическомъ обученіи.

Если бы у насъ не было небольшого числа техническихъ школъ, обязанныхъ, впрочемъ, своимъ существованіемъ, въ большинствѣ случаевъ, частной предпріимчивости, какъ тѣ школы духовныхъ общинъ, о которыхъ мы говорили выше, то можно было бы сказать, что профессіональное образованіе не существуетъ во Франціи. Причины недостаточности его нельзя исключительно приписывать Университету. Подъ вліяніемъ наслѣдственныхъ предразсудковъ, получившихъ широкое распространеніе благодаря классическому воспитанію, ремесленное обученіе имѣетъ въ глазахъ семей очень малое значеніе. Онѣ все еще считаютъ, что греко-латинское образованіе только и можетъ развивать умственные способности и давать большія выгоды въ жизни тѣмъ, кто его получилъ. Мы находимся еще въ переходномъ возрастѣ, когда мало кто понимаетъ, что это мнѣніе заключаетъ въ себѣ двойное заблужденіе. Въ дѣйствительности наше классическое обученіе притупляетъ умственные способности и не обезпечиваетъ никакого преимущества въ жизни тѣмъ, кто его получилъ.

Главною причиною нашего отвращенія къ ручному труду и ко всему, что на него походить, является не физическое, вызываемое имъ, усиліе, а презрѣніе, которое онъ къ себѣ внушаетъ. Это чувство презрѣнія, энергично поддерживаемое Университетомъ съ его состязаніями на ученые степени, одно изъ тѣхъ, которыя болѣе всего помогли ускорить наше настоящее промышленное и экономическое паденіе. У латинскихъ народовъ самый ничтожный писецъ, самый мелкій приказчикъ, самый скромный учитель причисляютъ себя къ значительно болѣе высокому классу людей, чѣмъ классъ промышленниковъ или ремесленниковъ, хотя эти послѣдніе

зарабатываютъ больше и исполняютъ работы, требующія гораздо большей сообразительности.

При такомъ всеобщемъ вѣрованіи въ преимущество классическаго образованія выходитъ, что большинство родителей старается, чтобы ихъ сыновья вошли въ касту, которая слыветъ за высшую, и выйти изъ класса людей, который считается низшимъ.

Въ одномъ, пользующемся значеніемъ журналѣ*), помѣщено по этому вопросу письмо одного промышленника изъ сѣверной Франціи; привожу изъ этого письма слѣдующую выдержку:

Прискорбно видѣть, что въ такой части страны, которая была такъ оживлена промышленностью и обладаетъ такими большими средствами, средній зажиточный классъ все болѣе и болѣе перестаетъ интересоваться дѣлами, предпочитая административныя мѣста.

Къ сожалѣнію, то же самое замѣчается среди простого народа, который только и придаетъ значеніе тому образованію, какое выводитъ ихъ дѣтей въ приказчики или чиновники. Все хотѣть должностей. А тѣмъ временемъ у насъ поселились бельгійцы; они владѣютъ большинствомъ промышленныхъ заведеній, процвѣтающихъ въ этомъ краѣ.

Поразительный примѣръ представляетъ собою то, что произошло въ промышленномъ округѣ Мобежа вслѣдъ за тѣмъ, какъ были введены покровительственныя пошлины. Этотъ округъ съ 1892 г. развился въ значительныхъ размѣрахъ, но это произошло благодаря бельгійцамъ, которые пришли сюда изъ Льежа и Шарлеруа и создали вблизи границы огромное количество промышленныхъ заведеній, найдя у себя все необходимое для того капиталы. Наши соотечественники смотрѣли на все это сложя руки и свои капиталы помѣстили въ процентныхъ бумагахъ Португаліи, Бразиліи и Греціи!

Сердце надрывается, и есть отчего придти въ отчаяніе.

Мы очень больны. Это какая-то очень медленно подтачивающая насъ болѣзнь, которую замѣтить тогда, когда ужъ будетъ поздно.

Въ томъ же журналѣ помѣщено еще одно письмо, хорошо выясняющее, чего стоили нашимъ колоніямъ предразсудки, подъ вліяніемъ которыхъ обученіе молодыхъ туземцевъ имѣетъ чисто теоретическій характеръ:

Туземецъ, умѣющий читать, писать и считать, смотреть уже съ презрѣніемъ на тѣхъ, кто роетъ землю, куетъ желѣзо, гранитъ камень; онъ считаетъ себя болѣе высшимъ существомъ, недостойнымъ того, чтобы утомляться и потѣть; онъ называетъ себя европейцемъ и требуетъ для себя тѣхъ же преимуществъ, какими пользуется послѣдній.

Тамъ, въ нашихъ школахъ, недостаточно настойчиво внушаютъ ту пользу, какую приносятъ земледѣлецъ и ремесленникъ, то благородство, какое присуще ихъ труду, ту роль, какую они играютъ на свѣтѣ. Тамъ, по окончаніи курса, въ видѣ награды, никогда ничего другого не показываютъ, какъ только дипломъ и въ будущемъ столь завидную синекуру, на которую можно рассчитывать. Они очистили поля, заводы

*) *France de demain*, 15 янв. 1899 г.

и мастерскія отъ людей, чтобы переполнить ими конторы и тѣмъ отнять отъ колоній самую способную часть ея населенія.

Если бы вмѣсто того, чтобы, слѣдуя программамъ метрополіи, обучать туземцевъ перечню французскихъ королей отъ Фарамунда до Наполеона III, имъ давали только начальныя основанія чтенія, письма и счисленія, одновременно обучая ихъ владѣть рабочимъ и земледѣльческимъ инструментами и способами, какъ устроить сборъ съ полей сахарнаго тростника, хлопка или американскаго орѣшника. Какъ вы думаете, развѣ не увеличилось бы богатство страны, а значить и цифра торговаго оборота?

Кто можетъ исчислить тѣ услуги, какія оказала бы нашимъ колоніямъ армія хорошихъ мастеровъ и хорошихъ фермеровъ, выбранныхъ изъ способныхъ и трудолюбивыхъ молодыхъ туземцевъ.

Наши колоніи, какъ говорятъ, ничего не приносятъ. Это, конечно, происходитъ отъ того, что мы стараемся усыпить способности именно тѣхъ, кто только и могъ бы составить мѣстное богатство.

И здѣсь мы затрагиваемъ одну изъ наиболѣе существенныхъ сторонъ вопроса о реформахъ обученія. Правящіе классы не видятъ въ этомъ пользы. Они не видятъ, что наше классическое образованіе—во всѣхъ своихъ видахъ—не отвѣчаетъ болѣе современнымъ потребностямъ, что его жалкая несостоятельность и отсутствіе ремесленнаго обученія составляютъ основательныя причины нашего промышленнаго, коммерческаго и колоніальнаго упадка.

Французскіе зажиточные классы (*bourgeoisie*) не понимаютъ эволюціи, совершающейся въ современномъ мірѣ, и потому не въ силахъ ей помочь. Реформы, вызываемыя неизбежностью, произойдутъ въ сторонѣ отъ нихъ, безъ нихъ и, разумѣется, вопреки ихъ желаніямъ.

Міровая экономическая эволюція настоящаго времени главнымъ то образомъ и ускользаетъ совершенно отъ нашего Университета. Застывшій въ старыхъ традиціяхъ съ устремленнымъ взоромъ на прошлое, онъ не видитъ, что съ прогрессомъ наукъ и промышленности роль знатоковъ грамматики, риторы, ученыхъ и всякихъ разновидностей, извѣстныхъ подъ именемъ пустыхъ болтуновъ, все болѣе и болѣе ступшевывается. Современный міръ управляется техникой, и превосходство остается за тѣми, кто во всѣхъ отрасляхъ знаній болѣе всего силенъ въ технику. Пробовали дать понять объ этомъ парламентской комиссіи, но большого успѣха не имѣли.

Въ 1870 г. мы были побѣждены врагомъ, который былъ въ военномъ отношеніи организованъ съ большимъ знаніемъ дѣла, чѣмъ мы. Въ настоящее время на почвѣ промышленности и торговли мы также побѣждены врагомъ, который организованъ съ знаніемъ дѣла. (*Blondele*

То профессиональное обучение, какого намъ недостаетъ и для котораго, впрочемъ, было бы очень трудно найти учителей, могло бы имѣть, если бы не было только что указанныхъ мною предразсудковъ въ обществѣ, огромное число учениковъ. Представленные въ парламентскую комиссію статистическіе документы подтверждаютъ это неопровержимыми доказательствами.

Можно себѣ представить изъ слѣдующихъ цифръ, какой ущербъ терпитъ наше экономическое развитіе отъ того, что среднее образованіе дѣйствительно захватываетъ молодежь. Число воспитанниковъ, получающихъ во Франціи среднее образованіе, достигаетъ въ настоящее время 180000, а число обучающихся въ школахъ промышленно-техническихъ, коммерческихъ и даже земледѣльческихъ не превышаетъ 22000. Отношеніе 8 къ 1, невыгодное для ремесленного образованія. Между тѣмъ, должно бы быть наоборотъ, такъ какъ коммерческое, промышленное и земледѣльческое населеніе Франціи составляетъ 90% отъ всего населенія, и, слѣд., земледѣліе, торговля и промышленность, взятыя вмѣстѣ, даютъ жизнь странѣ и увеличиваютъ ея ростъ. (Jasquepart).

О, да, конечно, это—земледѣліе, промышленность и торговля даютъ жизнь странѣ и увеличиваютъ ея ростъ, а никакъ не адвокаты и чиновники ¹⁾). Просвѣщенное учебное начальство должно бы было прилагать все стараніе къ тому, чтобы обученіе было усилено въ той части, которая представляетъ какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ особенную важность для страны. Между тѣмъ происходитъ совершенно обратное. Ремесленному обученію приходится бороться не только съ предразсудками родителей, но еще съ нерасположеніемъ Университета и съ неспособностью учителей въ его школахъ. Это нерасположеніе и эта неспособность уже отмѣчены нами при разсмотрѣніи вопроса о такъ называемомъ современномъ образованіи.

Самымъ главнымъ профессиональнымъ обученіемъ въ такой земледѣльческой странѣ, какъ Франція, должно бы быть земледѣльческое. Къ сожалѣнію, оно у насъ только и ограничивается показомъ рисунковъ и пересказомъ учебниковъ.

Въ одномъ докладѣ г. Мелина ²⁾ заключаются весьма опредѣленные документы по этому вопросу. Они показываютъ, до какой степени всѣ наши общераспространенные методы опираются все на одни и тѣ же принципы.

¹⁾ Нѣмцы это хорошо знаютъ, и вотъ почему они (съ каждымъ днемъ увеличиваютъ число своихъ профессиональныхъ школъ. Саксонія, состоящая только изъ 3000000 жителей, имѣетъ 3 школы промышленныхъ искусствъ, 3 высшія промышленныя школы, 111 школъ для обученія специальнымъ ремесламъ, 40 коммерческихъ училищъ и т. д.

²⁾ Помѣщенномъ въ журналъ *Officiel*.

Кромѣ учрежденнаго въ Парижѣ агрономическаго института, Франція имѣетъ 82 такъ называемыя практическія земледѣльческія школы, которыя обходятся ежегодно въ 4 милліона франковъ. Въ нихъ состоитъ 651 учитель и 2850 учениковъ, что составляетъ, приблизительно, 4 ученика на одного учителя. Каждый ученикъ, какъ видно, стоитъ государству ежегодно нѣсколько болѣе 1400 франковъ. «Во многихъ школахъ почти только и имѣются казенно-коштные ученики, и безъ нихъ пришлось бы эти школы закрыть».

При большемъ числѣ учениковъ учителю иногда и трудно придавать обученію практическій характеръ. Совсѣмъ другое дѣло, когда у учителя 4 ученика. Тутъ можно было рассчитывать, что обученіе земледѣлію въ этихъ многочисленныхъ школахъ могло бы приносить дѣйствительную пользу и что молодые агрономы, получившіе такое дорогое образованіе, могли бы оказывать нѣкоторыя услуги земледѣлію. Увы! Оно ничего не дало, и психологъ, хотя немного знакомый съ нашими приемами обученія, могъ бы это предвидѣть. Образованіе воспитанниковъ осталось настолько теоретичнымъ, что ни одинъ землевладѣлецъ не можетъ ими пользоваться, даже какъ простыми подручными на фермѣ. Непригодные положительно ни къ чему, эти агрономы, которые должны были возродить наше земледѣліе, почти всѣ добиваются казенныхъ мѣстъ и, главнымъ образомъ, учительскихъ должностей. Имѣется болѣе 500 такихъ просьбъ на 15 открывающихся ежегодно вакансій.

«Не странно ли, заключаетъ газета Temps, излагая сущность этого доклада, что это научное обученіе, этотъ хоръ отвлеченныхъ звуковъ убиваетъ живую энергію къ земледѣлію вмѣсто того, чтобы ее возбуждать? Эти школы имѣютъ лишь одну цѣль—приготовлять не практиковъ дѣла, а конкурентовъ, набитыхъ формулами и лишними, какъ будто съ виду и научными, вещами, чтобы только быть лучше обезпеченъ имъ успѣхъ на состязательныхъ экзаменахъ, и вѣрнѣе быть доступъ къ административной службѣ. И здѣсь всѣ чиновники, какъ вездѣ и всюду.

Въ парламентской комиссіи хорошо выяснилось, что собою представляютъ эти курсы практическаго обученія земледѣлію.

Учителя ограничивают я тѣмъ, что исключительно диктуютъ, попросту, всему классу курсъ, ученики пишутъ цѣлый часъ объ оплодотвореніи или о другомъ какомъ предметѣ, ничего не понимая изъ относящихся къ нимъ разъясненій. (Gautier).

Надрывается сердце, когда видишь такія записки, и какъ наши маленькіе хлѣбопашцы быстро теряютъ всѣ выученныя по учебникамъ начальныя понятія. Съ другой стороны, дѣти на экзаменахъ знаютъ еще названія вещей, но безусловно не знаютъ самихъ вещей; они выказываютъ неслыханное невѣжество въ практическомъ дѣлѣ; они заучили слова объ удобреніи, о скотѣ, о растеніяхъ, но они рѣшительно не умѣютъ пользоваться этими словами. Если вы не организуете посѣщеній учениками фермъ и хозяйствъ, то все, что вы дѣлаете теперь, равносильно тому, что вы ничего не дѣлаете. (Duport, président d'une Commission supérieure d'enseignement agricole).

Одинъ изъ нашихъ коллегъ недавно сказалъ: „если надо чему-нибудь удивляться, такъ это тому, что находятся еще молодые люди, расположенные идти по земледѣльской карьерѣ, когда вся обстановка обученія отвращаетъ ихъ отъ нея“. Ничего не можетъ быть вѣрнѣе этихъ словъ, и достаточно бросить бѣглый взглядъ на нашъ школьный режимъ, чтобы убѣдиться въ справедливости ихъ.

... Нѣтъ ничего въ этомъ обученіи, что могло бы возбуждать въ ученикахъ охоту къ сельской жизни, что тянуло бы ихъ въ поля: все, кажется, направлено къ тому, чтобы ихъ отдалить отъ нихъ. Характеръ обученія прежде всего, какъ выразился Монтенъ, „исключительно книжный“; оно внушаетъ ученику пренебреженіе къ ручному труду; оставаясь исключительно теоретичнымъ, словеснымъ и грамматическимъ, обученіе это не развиваетъ ни практическихъ взглядовъ, ни наблюдательности, т. е. тѣхъ двухъ главныхъ условий, которыя составляютъ залогъ успѣха во всякой дѣятельности и особенно въ земледѣліи. (Lavollée).

Слѣдствіемъ такого обученія является то, что воспитанники, который долженъ бы пріобрѣтать охоту къ земледѣлію, получаетъ, напротивъ того, къ нему такое же отвращеніе, какое онъ имѣетъ ко всякому ручному труду, который вездѣ такъ презирается.

Въ настоящее время ремесленникъ не хочетъ больше, чтобы его сынъ напрягался въ физическомъ трудѣ; онъ предпочитаетъ сдѣлать изъ него плохо оплачиваемаго мелкаго приказчика, и наши начальныя школы слишкомъ помогаютъ развитію этого заблужденія.

Въ деревнѣ есть много землепашцевъ, которые не хотятъ болѣе, чтобы ихъ сыновья обрабатывали землю; они стараются сдѣлать изъ нихъ мелкихъ чиновниковъ. Это—настоящая зараза, настолько распространенная, что во Франціи для ручного труда, земляныхъ работъ, обработки почвы намъ приходится призывать итальянцевъ и бельгийцевъ.

Алжиръ населяется жителями съ острова Мальты, испанцами, а наши города, тѣмъ временемъ, кишатъ псами, которые, въ силу закона предложенія и спроса, довольствуются совершенно недостаточнымъ вознагражденіемъ. (Keller).

Экономическія потребности въ наше время становятся все болѣе и болѣе настоятельными, а у латинскихъ народовъ семьи такъ же, какъ и Университетъ, ихъ не понимаютъ. Бывшій министръ Аното предложилъ въ парламентской комис-

сін организовать наряду съ существующимъ теперь классическимъ обученіемъ профессиональныя школы. По его мнѣнію, классическое обученіе можно было бы поддерживать лишь для очень небольшого числа будущихъ ученыхъ, которые изучали бы греческій и латинскій языки такъ же, какъ въ другихъ мѣстахъ изучаютъ языки персидскій и армянскій. Такіе проекты превосходны, и осуществленіе ихъ будетъ обезпечено тогда, когда мы измѣнимъ душу родителей, учителей и учениковъ.

Но даже если бы это превращеніе и произошло, то не видно, откуда бы набрали учителей для новаго обученія. Правда, что братья христіанскихъ школъ сумѣли найти учителей для технического обученія, въ какомъ они могутъ служить образцомъ, но эти учителя набраны изъ техниковъ, отъ которыхъ, какъ принято у американцевъ, требуютъ только знанія своего дѣла, ничуть не заботясь о томъ, имѣютъ ли они какой нибудь дипломъ. Какъ только это обученіе было бы устроено правительствомъ, т. е. Университетомъ, сейчасъ бы явились состязанія, ученые степени, и образованіе велось бы единственно тѣми теоретическими приѣмами, результаты которыхъ намъ извѣстны.

Такъ какъ ни одна изъ крупныхъ реформъ въ этомъ направленіи не можетъ пройти въ жизнь до тѣхъ поръ, пока совершенно не измѣнится общественное мнѣніе, то въ настоящее время только и можно думать о непритязательныхъ измѣненіяхъ, совершаемыхъ мелкими шагами. Однимъ изъ лучшихъ предложенныхъ въ парламентской комиссіи такихъ измѣненій является преобразование небольшихъ провинціальныхъ коллежей въ профессиональныя школы. Въ виду невозможности найти подходящихъ учителей, приходится довольствоваться исключительно теоретическимъ обученіемъ. Какъ оно ни плохо, все-таки оно выше классическаго образованія.

Мы имѣли случай, именно во время моего директорства, спасти нѣкоторые изъ этихъ маленькихъ коллежей, введя въ нихъ незначительный курсъ теоретическихъ свѣдѣній, полезныхъ для земледѣлія, т. е. преподавалось немного естественной исторіи, физики и химіи, чтобы познакомить дѣтей съ предметами сельскаго обихода. Этой одной мѣры было достаточно для спасенія этихъ маленькихъ заведеній. Школа въ Нейбургѣ, состоящая изъ великолѣпныхъ построекъ, была въ полномъ упадкѣ. Насъ просили ввести въ нее небольшой курсъ земледѣлія въ объемѣ, нѣсколько большемъ, чѣмъ курсъ начальныхъ школъ *); тотчасъ же школа наполнилась и находится теперь въ цвѣтущемъ состоя-

*) Enseignement agricole primaire supérieur. *Перев.*

ни. Это доказываетъ, что программы должны принаравливаться къ обстановкѣ и ко времени. (Tisserand, représentant de la Société nationale d'agriculture).

Я полагаю, что слѣдовало бы преобразовать наши маленькія среднія школы въ зависимости отъ мѣстныхъ потребностей, какъ то хорошо высказалъ г. Тиссеранъ, въ промышленныя или земледѣльческія заведенія, подготовляющія учениковъ къ поступленію въ наши высшія спеціальныя школы. Это было бы гораздо лучше для бюджета городовъ и для будущности дѣтей. (Grandeaу).

Но это такія частичныя измѣненія, съ какими далеко не уйдешь. Настоящія реформы не могутъ пройти въ жизнь, какъ я столько разъ уже говорилъ, до тѣхъ поръ, пока приемы обученія, которыми пользуются учителя, и, главнымъ образомъ, воззрѣнія родителей не измѣнятся.

Такое измѣненіе можетъ произойти не иначе, какъ только подъ давленіемъ настоятельной необходимости, а никакъ не подъ вліяніемъ программъ и рѣчей.

Настоятельная необходимость, которая когда-нибудь, быть можетъ, измѣнитъ воззрѣнія въ семьяхъ, начинаетъ ясно вырисовываться. Въ настоящее время классы, пользующіеся дѣйствительнымъ вліяніемъ и потому дѣйствительно являющіеся правящими классами, стремятся все болѣе и болѣе къ тому, чтобы состоять исключительно изъ людей, обладающихъ нѣкоторымъ достаткомъ. А такими обладателями въ недалекомъ будущемъ, какъ это становится очевиднымъ, только и будутъ промышленники, ремесленники, колонисты, земледѣльцы и купцы. Потребности въ наше время растутъ, а издавна установленное государствомъ вознагражденіе не мѣняется, средства людей образованныхъ классовъ—администраторовъ, чиновниковъ, учителей и т. д.—становятся все болѣе и болѣе скудными, тогда какъ довольство другихъ классовъ съ каждымъ днемъ увеличивается.

Классы, игравшіе когда-то правящую роль, испытывая все большую и большую нужду и, слѣд., все болѣе и болѣе утрачивая эту роль, быть можетъ поймутъ, наконецъ, что они должны инымъ образомъ направлять воспитаніе своихъ сыновей.

Послѣднее превосходство, какое въ настоящее время почти только и остается за прежними правящими классами это—ихъ обычай носить сюртукъ. Этотъ все болѣе и болѣе изнашивающійся ихъ сюртукъ скоро потеряетъ весь свой престижъ. Когда онъ совершенно исчезнетъ, какъ исчезъ въ

Америкѣ и въ Англіи, то произойдетъ глубочайшій переворотъ въ душѣ латинскихъ народовъ. Переворотъ этотъ закончится въ тотъ день, когда будутъ приняты точно разграниченныя общественныя категоріи, какъ указалъ одинъ изъ докладчиковъ парламентской комиссіи.

Хорошій промышленникъ, хорошій земледѣлецъ, хорошій купецъ, хорошій чиновникъ, хорошій офицеръ, это—все званія, которыя стоятъ другъ друга. Въ общемъ, это—люди, которые исполняютъ въ рядахъ демократіи разныя профессіи, но несутъ одну и ту же общественную обязанность. Различіе карьеръ не исключаетъ равенства между ихъ достоинствами.

Словомъ, всё эти люди принадлежатъ къ правящему классу будущего; этотъ классъ не можетъ состоять изъ умовъ, выстроенныхъ по одному шаблону, отвѣчающему однимъ и тѣмъ же наружнымъ признакамъ; этотъ классъ долженъ состоять изъ лучшихъ представителей отъ всѣхъ специальностей. Пусть они различаются своими специальностями, но будутъ походить другъ на друга высшими достоинствами человѣка! (Buisson).

Давно уже Дидро сказалъ то же самое:

Теоретическое обученіе, писалъ онъ, способствуетъ наполненію городовъ надутыми резонерами, бесполезными созерцателями, а деревни—маленькими тиранами, невѣжественными, праздными и привередливыми. Гораздо болѣе хвалили людей, которые старались увѣрить насъ, что мы счастливы, чѣмъ тѣхъ, кто старался, чтобы мы на самомъ дѣлѣ были счастливы. Наши ремесленники думали, что они достойны презрѣнія, потому что ихъ презирали. Научимъ ихъ, чтобы они сами были лучшаго мнѣнія о себѣ, это—единственное средство добиться совершенства въ ихъ производствахъ.

Прежде, чѣмъ начать распространять такія идеи, нужно было бы пережить не малыя потрясенія и перевороты въ арміи бакалавровъ, лиценціатовъ и профессоровъ безъ дѣла.

Въ настоящее время утвержденія, подобныя тѣмъ, какія я только что привелъ, принадлежатъ къ очень многочисленной категоріи вещей, которыя всякій охотно повторяетъ и которымъ готовы шумно рукоплескать, но въ которыхъ никто не вѣритъ ни одному слову. Не слѣдуетъ, однако, отказываться ихъ повторять.

Ю. Ферри, занимая постъ министра народнаго просвѣщенія, писалъ: Когда рубанокъ и напильникъ займутъ мѣсто наравнѣ съ компасомъ, географической картой, исторической книгой и станутъ предметомъ разумнаго и систематическаго обученія, тогда много предразсудковъ исчезнетъ, много кастовыхъ противорѣчій разсѣется, общественный миръ будетъ приготовляться на скамьяхъ начальной школы, и согласіе осветитъ своимъ лучезарнымъ свѣтомъ будущасть французскаго общества. (Jules Ferry).

Нельзя сказать, чтобы такія идеи были совсѣмъ неосуществимы, такъ какъ американцы почти провели ихъ въ жизнь. Въ Соединенныхъ Штатахъ общественные классы

весьма слабо разьединены между собою, и переходъ изъ одного въ другой совершается часто и легко. Но эти народы не имѣютъ за собою тяжелыхъ вѣковыхъ традицій, которыя тяготѣютъ надъ латинской расой. Американцамъ не пришлось бороться съ всеильнымъ Университетомъ, крайне не демократичнымъ и враждебно относящимся ко всякому прогрессу. Что всего болѣе стѣсняетъ латинскія общества въ ихъ развитіи и заставляетъ ихъ дѣлать безразсудные скачки, которые часто только отодвигаютъ ихъ еще болѣе назадъ, такъ это—тяжелая тиранія мертвыхъ.

Напрасно разумъ старается отбросить эти страшныя тѣни. Одному лишь времени удастся иногда ихъ разсѣять. Въ жестокой борьбѣ, какую очень давно ведутъ латинскіе народы съ мертвыми, побѣда не на сторонѣ живыхъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Вопросъ о воспитаніи.

1. Неопредѣленность университетскихъ принциповъ въ дѣлѣ воспитанія. Университетъ проявилъ такъ же мало способности давать хорошее воспитаніе, какъ и надлежащее образованіе. Онъ громко заявляетъ о благахъ хорошаго воспитанія, а самъ находится еще въ поискахъ за методами. Ничтожество тѣхъ рѣдкихъ проектовъ относительно воспитанія, какіе излагались передъ парламентской комиссіей. Большинство учителей не имѣетъ никакого, ни хорошаго, ни дурного, представленія о томъ, что составляетъ воспитаніе.

2. Школьная дисциплина, какъ единственная основа воспитанія въ правительственныхъ школахъ. На практикѣ все воспитаніе ограничивается тяжелой дисциплиной въ лицеяхъ, предназначенной, главнымъ образомъ, поддерживать тишину въ залахъ, гдѣ находятся воспитанники. Иллюзіи нѣкоторыхъ участниковъ въ парламентскомъ разслѣдованіи относительно пользы дѣйствовать на разумъ воспитанниковъ. Результаты, добытые воспитателями-англичанами, дѣйствующими на интересъ воспитанника, а не на его разумъ. Причины безсилія французскихъ родителей воспитывать своихъ дѣтей надлежащимъ образомъ. Отчасти университетскому воспитанію обязаны латинскіе народы своимъ индивидуальнымъ эгоизмомъ. Своему воспитанію обязаны англичане своимъ коллективнымъ эгоизмомъ, который является однимъ изъ крупныхъ факторовъ политическаго могущества Англіи.

1. Неопредѣленность университетскихъ принциповъ въ дѣлѣ воспитанія.

Задача воспитанія еще гораздо важнѣе, чѣмъ вопросъ объ образованіи. Успѣхъ людей въ жизни гораздо болѣе зависитъ отъ ихъ характера, чѣмъ отъ ихъ познаній. Университетъ, къ несчастію, оказался такъ же мало способнымъ давать хорошее воспитаніе, какъ и надлежащее образованіе.

Правда, нельзя сказать, хороши или плохи университетскіе приемы въ дѣлѣ воспитанія, такъ какъ Университетъ не обладаетъ никакими воспитательными приемами, не имѣетъ никакой на этотъ счетъ руководящей идеи.

Долгое время университетскіе педагоги думали, что воспитаніе достигается заучиваніемъ наизусть учебниковъ и наставленій. Они начинаютъ освобождаться отъ такого очевиднаго заблужденія, но все еще ищутъ средствъ, чѣмъ замѣнить

учебники. Пока они ограничиваются тѣмъ, что громко заявляютъ о благодѣтельномъ значеніи хорошаго воспитанія.

Когда обращаешься къ официальнымъ заявленіямъ Университета, къ циркулярамъ министровъ и ректоровъ, къ рѣчамъ, произносимымъ при раздачѣ наградъ, представляющимъ собою какъ бы публичное оглашеніе воззрѣній и убѣжденій (*professions de foi*) учительскаго состава, всегда находишь тамъ повтореніе слѣдующаго положенія: „цѣль средняго образованія заключается въ образованіи человѣка и гражданина“. Съ этимъ всѣ согласны. Это общезвѣстная истина. Но когда спустишься съ высоты этихъ принциповъ въ область приложенія ихъ и въ самую дѣйствительность, то видишь, какъ мы далеки отъ этого идеала, и какъ мало сдѣлано для его осуществленія. (*Manœuvrier*).

На самомъ дѣлѣ совсѣмъ ничего не сдѣлано; только всего и было, что произносились эти блестящіе рѣчи, столь милыя латинскому сердцу. Полученные результаты указаны въ слѣдующей выдержкѣ изъ парламентскаго разслѣдованія:

Это потому, что воспитаніе нашей французской демократіи недостаточно, нашъ современный политическій и общественный строй не принесъ всѣхъ тѣхъ плодовъ, какіе можно было бы отъ него ожидать, и это также одна изъ причинъ, позволяющая тѣмъ, кто не любитъ этого режима, усиливать свои нападки. (*Blondel*).

Что касается средствъ, какія нужно было бы примѣнить для достиженія хорошаго воспитанія, о которомъ мечтаютъ, то, кажется, авторы «разслѣдованія» совсѣмъ этихъ средствъ не знаютъ. Многіе воображаютъ, что такое воспитаніе исключительно достигается физическими упражненіями, и сожальютъ, что они составляютъ рѣдкость въ школьномъ режимѣ. Этотъ недостатокъ, надо думать, дѣйствительно очень великъ, несмотря на краснорѣчивые министерскіе циркуляры и на учрежденіе специальныхъ обществъ. Всѣ эти великолѣпные фасады не имѣютъ ничего за собой.

Если бы время намъ позволило, я бы поговорилъ о физическомъ воспитаніи. На самомъ дѣлѣ оно не существуетъ, и объ этомъ пробѣлъ нужно сожалѣть. Я хотѣлъ бы, чтобы физическое воспитаніе было поставлено на одну линію съ умственнымъ и въ первые школьные годы даже выше послѣдняго.

Въ Германіи это воспитаніе очень развито. Оно поставлено наравнѣ съ обученіемъ греческому языку, математикѣ или подобнымъ ей отраслямъ знаній. Оно обязательно для всѣхъ.

Я видѣлъ въ Германіи учителя греческаго языка, который былъ въ то же время учителемъ гимнастики, и мнѣ кажется, что это хорошій примѣръ.

Недостаточность нашего физическаго воспитанія, мнѣ кажется, составляетъ для будущности нашей расы тревожную опасность. (*Boutroux*).

Г. ЛЕ ВОНЪ. «ПСИХОЛОГІЯ ВОСПИТАНІЯ». ПЕРЕВ. И ИЗД. С. БУДАЕВСКІЙ.

Все это очень справедливо, но физическія упражненія составляютъ лишь весьма малую часть воспитанія. Хорошими физическими упражненіями можно сдѣлать геркулеса, но не совсѣмъ ясно, какъ могутъ эти упражненія развить сколько нибудь качества, которыя должно выработать воспитаніе: инициативу, настойчивость, разсудительность, самообладаніе, волю и т. д.

Разсматривая предложенную г. Пайо въ парламентской комиссіи программу реформъ, можно судить, насколько неясны воззрѣнія университетской среды на дѣло воспитанія. Это, впрочемъ, единственная программа, какая была составлена съ нѣкоторыми подробностями.

Если вы позволите мнѣ перечислить условія, необходимыя для выработки энергичной и настойчивой силы воли, въ какой нуждается страна, то, по моему мнѣнію, вотъ они:

1. Нужно значительно сократить время сидѣнія за работой; нужно, чтобы воспитанники проводили много времени на воздухѣ, рѣзвились бы на солнцѣ;

2. Нужно бороться съ англійскимъ предразсудкомъ и наклонностью къ чрезмѣрнымъ упражненіямъ;

3. Нужно всюду замѣнить унаслѣдованные отъ іезуитовъ пассивные методы, какіе еще господствуютъ въ нашемъ обученіи, методами, которые вызываютъ дѣятельность ума учениковъ, развиваютъ въ нихъ способности къ наблюденію, къ сужденію и къ умозаключеніямъ;

4. Нужно придавать силу и связь идеямъ, которыя руководятъ нравственною стороною жизни и нравственными чувствами, а это только и можетъ быть достигнуто медленной и терпѣливой работой всего учебно-воспитательскаго состава въ коллѣжѣ или лицѣѣ, т. е. репетиторовъ, учителей и директоровъ. (Payot).

Видно сразу, насколько туманна и неопредѣленна такая программа. «Нужно замѣнить методы іезуитовъ методами, вызывающими дѣятельность ума учениковъ и развивающими ихъ способности къ наблюденію, къ сужденію». Превосходно, но въ чемъ состоятъ эти методы? Вотъ этого именно, что нужно было бы сказать, ни г. Пайо, ни авторы «разслѣдованія» намъ не говорятъ. И если они объ этомъ молчатъ, то, конечно, потому, что этого не знаютъ. Что же касается того, чтобы придавать «силу и связь идеямъ, руководящимъ нравственною стороною жизни и нравственными чувствами, что только и можетъ быть достигнуто медленной и терпѣливой работой всего учебно-воспитательскаго состава», то не очевидно ли, что такъ говорить все равно, что ничего не сказать? Если до сихъ поръ этотъ составъ не достигъ требуемыхъ результатовъ, значить—онъ не способенъ ихъ достигнуть. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, думаютъ, что такими рѣзкими и праздными упреками измѣнять его настоящій ум-

ственный складъ? Совѣты, нѣсколько болѣе практичныя, могли бы съ пользою замѣнить эти дѣтски-наивныя соображенія.

Не одинъ г. Пайо давалъ въ парламентской комиссiи эти неопредѣленные совѣты. Тамъ многіе говорили о качествахъ, какія должно было бы вырабатывать въ ученикахъ. Для этого никакой проницательности не нужно.

Нужно было бы вселять въ ученикахъ охоту не къ абстрактному, а къ конкретному, развивать въ нихъ наблюдательность и инициативу, всѣ качества, которыя довольно трудно встрѣтить у нашихъ воспитанниковъ, такъ какъ въ нашемъ воспитаніи нѣтъ ничего такого, что способствовало бы развитію этихъ качествъ. (Potel, professeur au lycée Voltaire).

Ничто не можетъ быть вѣрнѣе, но, повторяю, какіе методы нужно примѣнять, чтобы давать требуемыя качества? Авторъ приведенныхъ словъ, безъ сомнѣнія, предпочелъ объ этомъ умолчать, чѣмъ давать такіе мудрые совѣты, какіе далъ г. инспекторъ Пайо.

Созданные Университетомъ учителя въ сущности совсѣмъ не имѣютъ какихъ-либо опредѣленныхъ рѣшеній, хорошихъ или дурныхъ, въ вопросахъ воспитанія. Одинъ изъ нихъ, достойнѣйшій преподаватель въ лицей Людовика XIV, г. Бело, въ рѣчи, произнесенной имъ при раздачѣ наградъ, очень хорошо выразилъ ихъ затрудненія и неувѣренность. Вотъ извлеченіе изъ этой рѣчи:

Въ настоящее время больше, чѣмъ когда-либо, требуется, чтобы мы выполняли наше воспитательское дѣло: внушали юношеству принципы и вырабатывали въ немъ волю. Какъ намъ это сдѣлать, чтобы не нарушить правъ личности, которая формируется, чтобы не стѣснить ея свободы выбора въ будущемъ, чтобы не оказать давленія на ея природную самобытность? Нашъ долгъ представляется, такимъ образомъ, подъ видомъ двухъ противорѣчій. Съ одной стороны, мы должны такъ поступать, чтобы быть инициаторами, руководителями, словомъ хозяевами положенія, а съ другой—мы должны уважать свободу сужденій и добровольныхъ побужденій, прирожденныхъ данной индивидуальности. Если мы будемъ пренебрегать этой второй стороной нашей задачи, насъ будутъ упрекать въ догматизмъ и въ томъ, что мы убиваемъ зараждающуюся энергію, а если мы забудемъ первую сторону, насъ обвинятъ въ томъ, что мы приготовляемъ скептиковъ и ввергаемъ душу оставленныхъ нами воспитанниковъ въ житейскій водоворотъ безъ руководящихъ правилъ. (*Temps*, 30 іюля 1899 г.).

2. Школьная дисциплина, какъ единственная основа воспитанія въ правительственныхъ школахъ.

При такихъ неопредѣленныхъ воззрѣніяхъ понятно, почему Университетъ почти совсѣмъ оставляетъ въ сторонѣ всякое воспитаніе на практикѣ и упоминаетъ о немъ только въ рѣчахъ, предназначенныхъ для публики. Въ дѣйствительности все воспитаніе, какое онъ даетъ, ограничивается только тяжелой и грубой дисциплиной въ лицеяхъ, назначенной единственно для поддержанія тишины въ залахъ, гдѣ находятся воспитанники.

Не слѣдуетъ, конечно, говорить, что дисциплина— вещь дурная. Она является однимъ изъ качествъ характера, какое, можетъ быть, необходимѣе всего приобрести. Чтобы умѣть командовать другими, нужно раньше выучиться командовать собою, что достигается только тогда, когда раньше былъ выученъ повиноваться. Къ несчастью, дисциплина черезчуръ стѣснительная, мелочная, формальная, какая существуетъ въ лицеяхъ, есть самая худшая изъ всѣхъ. Совершенно, однако, напрасно докладчики парламентской комиссіи искали, чѣмъ бы замѣнить эту дисциплину.

Раздѣляя слишкомъ распространенное заблужденіе, показывающее, до какой степени пренебрегается психологія дѣтей, предсѣдатель парламентской комиссіи, г. Рибо, спросилъ, нельзя ли было бы «достигнуть хорошихъ результатовъ, обращаясь къ разсудку воспитанниковъ». Ему отвѣтили такъ:

Я убѣжденъ въ противномъ. Нужно жить съ нашими учениками, чтобы понять, какъ это трудно; мы не можемъ ожидать результата, обращаясь къ разсудку воспитанниковъ. (Requignat).

Конечно, чтобы дисциплинировать ребенка, не къ разсудку его надо обращаться. Тѣ, кто изучалъ его психологію, знаютъ это хорошо. Очень ошибочно думать, что воспитатели-англичане обращаются къ разсудку своихъ воспитанниковъ. Не такимъ слабымъ основаніемъ они пользуются, а исключительно они опираются на интересъ воспитанниковъ, т. е. на очень прочное основаніе, на которомъ безопасно можно возводить строеніе. Воспитанникъ исполняетъ свои обязанности, какъ хочетъ и когда хочетъ. Онъ совершенно свободенъ расхаживать по всему заведенію. Но если онъ плохо

исполнилъ свою обязанность, то долженъ ее выполнить вновь. Если онъ злоупотребляетъ свободой и совершаетъ важный проступокъ, то будетъ публично высъченъ, какого бы возраста онъ ни былъ. Если онъ не работаетъ или не даетъ работать другимъ, то его выгоняютъ. Такимъ образомъ, его прямой интересъ вести себя хорошо, и это онъ быстро усваиваетъ.

Спѣшу прибавить, что постоянно рекомендуемая намъ англійская система не стоила бы ничего для латинской молодежи, у которой чувство ответственности развито въ очень слабой степени. Директоръ большой англійской школы, учрежденной во Франціи (въ Azaу), обращаясь къ одному посѣтившему эту школу журналисту, отмѣтилъ это въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Юный англичанинъ такъ же мало похожъ на юнаго француза, какъ молоко на купоросъ. Методъ воспитанія, приносящій первому пользу, погубилъ второго. Англичанинъ разсудителенъ, осмотрителенъ, всегда исполнителенъ въ отношеніи своего долга; мнѣ не нужно подчинять его дисциплинѣ, онъ самъ себя ее предписываетъ; онъ знаетъ, что позволено и что запрещено, и никогда не отступаетъ отъ правилъ, какія, совершенно по-отечески, указаны ему. Для француза мнѣ понадобились бы жестокія правила; мнѣ пришлось бы подавлять возмущенія и проявленія излишней независимости. Что подѣлаешь? Всякій народъ имѣетъ свои достоинства и недостатки. Французское юношество великодушно, но отличается порывистымъ и пылкимъ характеромъ, не выноситъ порабощенія. Не прибавить ли мнѣ еще, что оно немного вольнодумно? Ихъ чувства развиваются рано, а у нашихъ молодыхъ англичанъ эти чувства усыплены сильными физическими упражненіями, исходящими на такихъ утомительныхъ играхъ, какъ теннисъ, футболъ, поло.

Эти разсужденія очень справедливы. Англичане, обладая наслѣдственно внутренней дисциплиной, не нуждаются ни въ какой внѣшней. Г. Бельсоръ, учитель одного лицея ¹⁾, много путешествовавшій, произнося рѣчь при раздачѣ наградъ, отмѣтилъ это основное качество въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

... Слышу со всѣхъ сторонъ голоса, убѣждающіе насъ принять за образецъ англо-саксовъ, и я поставилъ бы себя въ упрекъ прервать хотя на минуту этотъ славный концертъ. Подражайте же имъ, если это для васъ необходимо. Я ихъ встрѣчалъ въ странахъ, гдѣ ихъ свобода выказалась широко: всѣ они относились съ отличнымъ уваженіемъ къ властямъ, всѣ свято соблюдали вѣковыя традиціи, какъ бы подчиняясь наставленію, полученному испоконъ вѣковъ ²⁾.

¹⁾ Lycée Janson de Sailly.

²⁾ Temps, 30 іюля 1899 г.

Оставляя въ сторонѣ эту бесполезную и настолько же вредную затѣю подражать англійскому воспитанію, мы легко увидимъ, что именно было бы удобно измѣнить въ школьной дисциплинѣ лицеевъ. Постоянный изводящій надзоръ сильно раздражаетъ ребенка. Пока онъ не нарушилъ установленныхъ правилъ, нужно было бы предоставлять ему нѣкоторую свободу. Лишь только при такихъ нарушеніяхъ дисциплина должна бы давить на него всею своею тяжестью. Въ извѣстномъ возрастѣ можно было бы иногда выпускать его одного изъ заведенія. Онъ знаетъ, что если будетъ вести себя дурно, то лишится этого права; его собственный интересъ будетъ достаточенъ, чтобы заставить его понять, что злоупотребленіе свободой сопряжено съ неудобствами. Вотъ что нѣкоторые учителя, хотя и въ очень незначительномъ числѣ, начинаютъ уже понимать:

Я дѣлалъ нѣсколько попытокъ предоставлять свободу и оказывать довѣріе воспитанникамъ старшаго возраста. Не вдаваясь въ подробности, приведу примѣръ. Когда я пріѣхалъ въ школу Св. Варвары, тамъ ни подъ какимъ видомъ не разрѣшалось воспитаннику выходить одному изъ заведенія; напр., къ зубному врачу воспитанника сопровождаетъ служитель; мнѣ стоило большого труда добиться, чтобы они выходили одни; для этого нужно было случиться, чтобы я нашелъ одного изъ воспитанниковъ на выставкѣ со служителемъ, которому онъ купилъ входной билетъ, и чтобы я могъ объ этомъ сказать директору. Съ тѣхъ поръ я добился, что стали иногда пускать воспитанниковъ на слово безъ провожатыхъ. Мнѣ никогда не пришлось объ этомъ сожалѣть. (Lucien Lévy, directeur des études à Sainte-Barbe, examinateur d'admission à l'Ecole Polytechnique).

Причину такого заключенія легко понять. Нужно было бы допустить безконечную глупость воспитанника, чтобы думать, что онъ тотчасъ же злоупотребитъ свободой, которую отъ него отнять при первомъ злоупотребленіи. Если хотятъ, чтобы молодые люди научились вести себя, когда они останутся въ жизни одни, нужно, по меньшей мѣрѣ, дать имъ хотя немножко свободы. Во Франціи, когда появились желѣзныя дороги, пассажировъ запирали въ вагонахъ на ключъ, чтобы они не могли сбѣжать при движеніи поѣзда. Совсѣмъ еще недавно ихъ запирали въ пассажирской комнатѣ вокзала до прихода поѣзда, чтобы они не могли броситься подъ колеса паровоза. Въ настоящее время ихъ уже не запираютъ въ вагонахъ, предоставляютъ имъ свободно расхаживать по платформамъ, и желѣзнодорожная администрація съ удивленіемъ удостовѣряетъ, что они не выска-

киваютъ во время движенія изъ вагоновъ и не попадаютъ подъ колеса паровоза. Только предоставляя людямъ или дѣтямъ нѣкоторую свободу, научаютъ ихъ не злоупотреблять ею.

Наши присяжные педагоги (*universitaires*) еще очень далеки отъ такихъ взглядовъ. Слѣдующая, рассказанная г. Де-Куберте-номъ, сцена показываетъ, до какой степени они слабы по части психологii въ дѣлѣ воспитанія:

Въ одинъ изъ четверговъ *), въ одномъ изъ лицеевъ Парижа произошла такая надрывающая душу сцена, отъ которой у меня осталось горькое воспоминаніе. 15 воспитанниковъ средняго и старшаго возрастовъ, съ разрѣшенія своихъ родителей, должны были пойти въ Булонскій лѣсъ для состязанія съ партіей другого лицея на премію въ игрѣ въ футболъ. Передъ самымъ уходомъ репетиторъ, назначенный ихъ сопровождать, былъ чѣмъ-то задержанъ. Какъ тутъ быть? Сташій въ партію, хорошій воспитанникъ, ея „капитанъ“, любимый и уважаемый своими товарищами, ружался, что все будетъ такъ, какъ и при репетиторѣ. „Они мнѣ это обѣщали, сказалъ онъ, я даю мое честное слово“. И тотъ, которому онъ это сказалъ, отвѣтилъ: „мой другъ, могу ли я принять честное слово воспитанника?“ Вся наша педагогика выражается въ этихъ словахъ: честное слово ничего не стоитъ. Воспитанникъ это почувствовалъ и поникъ головой... Такія сцены развѣ не даютъ ложнаго направленія всей жизни? (*De Coubertin, Revue Bleue 1898 г.*).

Нѣкоторые учителя рассказывали о томъ, какъ губительно дѣйствуетъ на учениковъ этотъ ежеминутный мелочный надзоръ за ними. Вотъ какъ выражается объ этомъ отецъ Дидонъ, учитель въ школѣ въ Аркелѣ (*Argueil*):

Ребенокъ, который каждую минуту чувствуетъ надъ собою надзоръ, старается держать себя всегда начеку, и этотъ принципъ недовѣрія—самый вредный въ дѣлѣ воспитанія. Онъ имѣетъ подавляющее значеніе и влечетъ за собою гнетъ; и это благодаря ему вырабатываются люди бездѣятельные и поработанные, люди возмущенные и хитрые, которые всегда ускользаютъ отъ надзора, пренебрегая имъ или обманывая его бдительность.

Какъ только этого надзора нѣтъ, ребенокъ думаетъ, что ему все позволено, и это скоро чувствуется родителями. Ребенокъ почти ихъ не уважаетъ, тогда какъ у англичанъ отцовскій авторитетъ представляетъ собою нѣчто огромное, что даже и не оспаривается. У латинскихъ народовъ уваженіе дѣтей къ родителямъ все уменьшается и уменьшается.

Когда я былъ въ лицѣ, дѣти едва смѣли говорить за столомъ безъ позволенія отца; какая перемѣна! Въ настоящее время отцы представляютъ дѣтямъ высказывать свое мнѣніе о всякихъ вещахъ и даже охотно молчатъ, чтобы не мѣшать имъ говорить или чтобы иногда даже

*) Во Франціи, въ школахъ не бываетъ учебныхъ занятій по четвергамъ. *Перев.*

любоваться ими. Стойкость отцовъ, какъ видно, много ослабѣла съ нѣкоторыхъ поръ, но они рассчитываютъ на авторитетъ тѣхъ, кому ввѣряютъ воспитаніе своихъ дѣтей. Авторитетъ школьнаго начальства понизили въ то время, когда онъ больше всего былъ нуженъ; дисциплину ослабили тогда, когда должны бы были ее поднять. (Dalimier).

Если у французовъ родители не умѣютъ внушить своимъ дѣтямъ уваженіе къ себѣ, то, конечно, въ этомъ они сами много виноваты. Они слишкомъ просто себя держатъ съ ними для того, чтобы имѣть какой-нибудь престижъ.

Что касается меня, то я не думаю, чтобы ребенокъ былъ отъ природы добръ. Онъ недобрый, и прежде, чѣмъ добиться его любви, нужно заставить его бояться тебя. Боязнь послужить для него началомъ благопріятія, и когда онъ послушенъ, легко приобрести его любовь. (Pottot).

Скромный классный надзиратель, который это утверждалъ, кажется, гораздо лучше понимаетъ психологію ребенка, чѣмъ огромное большинство родителей и учителей. Ребенокъ, воспроизводящій, въ первые годы своей жизни, свойства цѣлаго ряда поколѣній, обладаетъ всѣми недостатками первобытныхъ людей, но только онъ не такъ силенъ. Онъ проявляетъ злость, когда видитъ, что это пройдетъ безнаказанно. Именно боязнь, а никакъ не разсудительность, можетъ только обуздать его дурные инстинкты. Если умѣютъ заставить бояться себя, то сумѣютъ заставить и повиноваться себѣ. Отецъ Дидонъ справедливо сказалъ въ парламентской комиссіи:

Когда умѣешь хорошо приказывать, тебѣ всегда повинуются, а если ты плохо приказываешь, то никогда тебя не слушаютъ, даже тѣ, о которыхъ думали, что они воспитаны въ дисциплинѣ.

Искусство приказывать, къ несчастью, совершенно отсутствуетъ у большинства нашихъ учителей. Этому искусству не научиться изъ книгъ.

Невыносимая дисциплина въ коллежѣ, не оставляющая воспитаннику никакой инициативы, вмѣстѣ съ попустительствомъ въ семьяхъ и недостаткомъ въ престижѣ родителей, скоро превращаетъ воспитанника въ маленькое нетерпимое существо, обладающее грубымъ эгоизмомъ и не способное шагнуть безъ посторонней помощи. Молодой англичанинъ, котораго родители не балуютъ и за каждымъ шагомъ котораго въ школѣ учителя не слѣдятъ, смотритъ на жизнь со-всѣмъ иначе, чѣмъ воспитанники нашихъ лицеевъ. Привыкшій

съ раннихъ лѣтъ ни на кого не разсчитывать, давать и получать пинки, онъ быстро научается уважать другихъ, ограничивать свои желанія и ясно различать, что запрещено и что дозволено. Опытъ его научаетъ, что нельзя имѣть товарищей и друзей иначе, какъ поступаясь въ пользу ихъ отчасти своимъ эгоизмомъ, нѣсколько отказываясь отъ своей личности на общую пользу.

Главнымъ образомъ, своему воспитанію обязаны латинскіе народы своимъ личнымъ эгоизмомъ, столь гибельнымъ для устойчивости народа. Точно такъ же, своему воспитанію англо-саксы обязаны коллективнымъ эгоизмомъ, какой дѣлаетъ ихъ столь опасными для другихъ націй, и который былъ однимъ изъ первѣйшихъ факторовъ политическаго могущества Англіи.